

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 Сентября.

СОДЕРЖАНИЕ: «Свободные отъ ангажемента» —
Форсе мажор. — Пессимизмъ Ибсена. Лихтенберга. —
Съ «верховъ» народнаго театра. П. Казанцева. —
Хроника театра и искусства. — Изъ Москвы. П.
Ярица. — На порогахъ (окончаніе). Арсенія Г. — Харь-

№ 37.

ковскія письма. I. Тавридова. — Провинціальная лѣ-
топись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: «Много шума изъ
ничего» (рис. С.), г-жа Гримальди, † С. А. Черневскій,
А. Н. Кондратьевъ.

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА на 1901 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

Съ 1 Июля по 1 Января 4 р. (годъ съ 1 Января 6 р. —
подписчики получаютъ все номера).

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ VI выпуску „Словаря
сценическихъ дѣятелей“, просить гг. сценическихъ
дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ Е,
Ж, З и И, послѣдшить высылкой портретовъ и біо-
графическихъ данныхъ.

С.-Петербургъ, 9 сентября 1901 г.

Предложеніе превышаетъ спросъ, труппы полны,
масса артистовъ безъ мѣстъ... Одна изъ мо-
сковскихъ газетъ, останавливаясь на этомъ
вопросѣ, замѣчаетъ: «Наша замѣтка о томъ,
что много актеровъ осталось безъ дѣла,
вызвала рядъ косвенныхъ возраженій, какъ буд-
то-бы старающихся умалить значеніе этого факта.
Между тѣмъ, зайдите въ Бюро, зайдите въ кон-
тору Разсохиной и посмотрите, сколько еще народу
«чаеетъ движенія воды». Пусть эти люди менѣ та-
лантливы и способны. Но вѣдь и этимъ ѣсть надо,
и Русскому театральному обществу надо-бы об-
щихъ позаботиться, — помочь имъ устроить какія-
нибудь коллективныя поѣздки, вообще не ограни-
чиваться формальнымъ лишь отношеніемъ».

Фактъ, несомнѣнно, заслуживающій полнаго вни-
манія. Но мѣра, указываемая московской газетой,
является безцѣльной и ни къ чему не ведущей.
Какъ оказывается, Русское театральное общество
уже пыталось дѣйствовать въ этомъ направле-
ніи, и не далѣе, какъ прошлой осенью, когда без-
работица многихъ драматическихъ артистовъ об-
условливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣ-
которые изъ постоянныхъ драматическихъ театровъ
были сданы подъ оперетку. Однако, мѣра эта не
привела ни къ чему. Было сформировано нѣсколько
небольшихъ труппъ для уѣздныхъ городовъ, на
подъемъ дѣла было выдано каждой изъ труппъ по
нѣсколько сотъ рублей, и въ результатъ—не только
субсидированныя деньги не поступили обратно, но
ни одна изъ сформированныхъ труппъ не продер-
жалась болѣе мѣсяца. Отсутствие сборовъ, неуря-
дицы и т. д. въ скоромъ времени выбрасывали де-
сятки лицъ обратно на актерскій рынокъ. Какая же
цѣль въ подобныхъ матеріальныхъ поддержкахъ, и
можно-ли подобнаго рода помощь считать раціо-
нальной?

Зло въ общемъ перепроизводствѣ,—на что мы не
разъ указывали, касаясь вопроса о дѣятельности на-
шихъ театральныхъ школъ,—а не въ томъ или дру-
гомъ частномъ явленіи. Зло въ томъ, что для того,
чтобы быть и считаться артистомъ, надо имѣть
весьма мало... не болѣе гривенника, чтобы сбрить
себѣ усы. А далѣе—плачь, стоны, жалобы на судьбу
и взыванія голоднаго желудка...

Происходитъ нѣчто до-нельзя грустное и печаль-
ное для театра. Въ то время, когда съ трудомъ
можно набрать мало-мальски порядочную труппу,
когда со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на то,
что *много* артистовъ,—лицъ, не имѣющихъ ангаже-
ментовъ и сидящихъ безъ мѣстъ, можно насчитать
десятками... И это не временное, случайное явленіе,
а обычная картина, повторяющаяся изъ года въ годъ.

Въ чемъ же дѣло? Невольно является вопросъ:

разъ театральная биржа упорно не признасть известной категоріи лицъ за артистовъ, то разумно ли поддерживать этихъ лицъ въ ихъ ложномъ стремленіи — считаться артистами? Если становиться на эту точку зрѣнія, то самымъ желательнымъ была бы слѣдующая мѣра: Русское театральное общество обзаводится собственнымъ театромъ и вербуетъ свою труппу изъ лицъ, остающихся изъ года въ годъ безъ ангажемента, чтобы дать этимъ лицамъ заработокъ и насущный кусокъ хлѣба. Мѣра вполне филантропическая, но при чемъ тутъ будетъ театръ и искусство? Увы, общее впечатлѣніе отъ послѣдняго сѣзда сценическихъ дѣятелей было именно таково, и преобладающій составъ минувшаго сѣзда принадлежалъ къ числу актеровъ безъ ангажемента. И все-таки ихъ надо поддерживать? Въ какихъ цѣляхъ? Для какого процвѣтанія? Вопросъ этотъ, во всякомъ случаѣ, столь животрепещущій и значительный, что было бы желательно возможно шире и всестороннѣе обсудить его, почему редакция нашего журнала предлагаетъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ высказаться по этому поводу.

Петербургское Попечительство о народной трезвости выработало для своихъ артистовъ новыя правила о службѣ. Не касаясь пока казуистическихъ тонкостей, мы остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ общаго характера.

Въ новыхъ правилахъ введенъ, между прочимъ, пунктъ о форсе мажуре. Тотъ же пунктъ, если взрѣть московскимъ газетамъ, вынесенъ и въ контракты, заключаемые съ артистами дирекціей московскихъ Императорскихъ театровъ. Нововведеніе это намъ кажется едва-ли совмѣстимымъ съ достоинствомъ казенныхъ учреждений, къ каковымъ необходимо причислить какъ Императорскіе театры, такъ и театры Попечительства, получающаго отъ казны громадную субсидію. Форсе мажуре примѣняется въ случаяхъ, такъ сказать, стихійнаго характера. Правительство, однако, почти всегда, такъ или иначе, приходитъ на помощь пострадавшимъ отъ подобныхъ стихійныхъ бѣдствій, почитая себя какъ бы добровольнымъ отвѣтчикомъ за стихійныя несчастья. Допустимъ, что по причинѣ, независимой отъ дирекціи Императорскихъ театровъ, эти театры перестали дѣйствовать. По контракту, артисты, находящіеся на службѣ у казны, лишаются тѣмъ самымъ своего заработка, т. е. до нѣкоторой степени оказываются въ положеніи «пострадавшихъ отъ неурожая». Нельзя допустить, чтобы въ случаѣ пожара театра, траура и т. п. казна прекратила выдачу жалованья. Но тогда для чего же вводить пунктъ о форсе мажуре?

Почти то же приходится сказать и о театрахъ Попечительства. Эти театры содержатся также на казенный счетъ, и обязанность заботиться о материальномъ благосостояніи служащихъ въ этомъ театрѣ едва ли можетъ быть прекращена внезапнымъ перерывомъ представленій.

Такова, такъ сказать, общая сторона вопроса. Но и въ частности, понятіе форсе мажуре къ артистамъ казенныхъ театровъ едва ли примѣнимо. Допустимъ, напр., случай пожара. Всѣ театры сгорѣть не могутъ, а сгоритъ какой-нибудь одинъ. Между тѣмъ, московскіе казенные артисты играютъ въ двухъ театрахъ—Маломъ и Новомъ, а артисты Попечительства даже въ нѣсколькихъ. Труппы же какъ въ Императорскихъ театрахъ, такъ и въ Попечительствѣ для всѣхъ театровъ общія. Какъ же опредѣлить, къ кому изъ артистовъ примѣнить пунктъ о форсе мажуре, а къ кому—нѣтъ...

Кстати о форсе мажуре. Мы уже неоднократно говорили о неправильныхъ вычетахъ частными антрепренерами изъ актерскаго жалованья за тѣ дни, въ которые, по закону 2 іюня 1900 г., спектаклей не полагается. Въ минувшемъ августѣ такихъ дней было четыре: 5, 14, 28 и 29-е. Съ актеровъ былъ произведенъ вычетъ $\frac{1}{16}$ жалованья, т. е., иначе говоря, имъ заплатили за 28 спектаклей. Между тѣмъ, ими сыграно было 29 спектаклей; такъ какъ въ августѣ 31 день. Антрепренеры, считая такимъ образомъ плату актера разовой въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣлаютъ вычеты, не полагаютъ нужнымъ платить за 31-й день мѣсяца.

«Комбинація» довольно остроумная. Можетъ быть, и въ этомъ остроуміи слѣдуетъ искать слѣды форсе мажур'a?

Пессимизмъ Ибсена.

Въ одной изъ своихъ недавнихъ рѣчей Ибсенъ замѣтилъ, что большой предразсудокъ — считать счастьемъ литературную славу, хотя бы она распространялась на весь міръ. Отъ этого полу-признанія вѣетъ тихой грустью. Несомнѣнно, что Ибсенъ все болѣе впадаетъ въ пессимизмъ. Это настроеніе явно растетъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Вагнеръ, послѣ мрачнаго пессимизма „Тристана“, создалъ ясную самоотверженность „Парсифаля“. Ибсенъ-же, несмотря на окружающую его признательность всего культурнаго міра, обнаруживаетъ въ „Росмергольмъ“ и, въ частности, въ трехъ позднѣйшихъ драмахъ: „Строитель Солнечесъ“, „Воркманъ“ и „Когда мы, мертвые, пробуждаемся“—все болѣе и болѣе трагическое и безотрадное міровоззрѣніе, все печальнѣе его взгляды на дѣятельность художника, на настоящее и будущее человѣчества. Пессимизмъ все сильнѣе проникаетъ его творчество.

Можно различать двѣ главнѣйшія разновидности пессимизма, хотя онѣ рѣдко встрѣчаются въ совершенно чистомъ видѣ. Это—пессимизмъ мистическій и реалистическій.

Пессимизмъ мистика коренится въ чувствѣ, въ со-страданіи и жалости, которые вызываютъ въ душѣ неизбежное зло міра и человѣчества. Этотъ пессимизмъ—то-же, что религіозное ученіе о страданіи человѣчества, какъ удѣлъ его жизни. Въ своемъ крайнемъ выраженіи пессимизмъ этого рода доходитъ до уничтоженія желанія жить, до стремленія къ буддѣйской Нирванѣ, къ миру и тишинѣ могилы. Это тотъ пессимизмъ, который внушилъ Шопенгауэру удивительныя страницы о смерти эгоистическихъ желаній у аскета, освободившагося отъ иллюзій міра. Этотъ пессимизмъ разлитъ въ мелодіяхъ финала „Тристана“. Ницше имѣетъ въ виду опасность именно этого пессимизма. Безъ сомнѣнія, состраданіе — одно изъ самыхъ благородныхъ чувствъ человѣческой души, но оно не должно вести къ страху предъ всякимъ страданіемъ. Мы не имѣемъ права разсматривать страданіе, какъ зло „въ самомъ себѣ“, какъ нѣчто, подлежащее уничтоженію, и подобно тому, какъ мы сами должны умѣть страдать, такъ точно мы должны умѣть переносить страданіе окружающихъ насъ людей... Героизмъ, со своими суровыми добродѣтелями, со своей жестокой практикой, не долженъ быть принесенъ въ жертву жалости и состраданію. Это отреченіе отъ жизни, это мисти-

„МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО“.

Сцена передъ бесѣдкой.

Кисель—г. Ремезовъ. Констебль.

Бенедиктъ—г. Далматовъ.

ческое порываніе къ смерти, какъ совершенно справедливо полагаетъ Ницше, почти всегда являются выраженіемъ вырожденія, упадка, усталости. Любовь къ жизни, бодрая готовность къ борьбѣ и лишеніямъ являются доказательствомъ нравственнаго здоровья и физиологическаго равновѣсія. И когда раздается этотъ призывъ мистическаго пессимизма, можно всегда подозрѣвать, что равновѣсіе нарушено, и что предъ нами—начало физиологическаго разрушенія.

Этотъ мистическій пессимизмъ совершенно чуждъ произведеніямъ Ибсена.—Ибсенъ, наоборотъ, больше, чѣмъ кто либо, познаетъ цѣну героизма, активной энергіи, какъ бы суровы и подчасъ жестоки ни были ея послѣдствія. Брандъ, напимъ, это, такъ сказать, поэма героической воли, апологія суроваго и твердаго духомъ человѣка, который умѣетъ страдать за свои убѣжденія и, что еще важнѣе, умѣетъ смотрѣть прямо въ глаза страданію, на которое обречены

наиболѣе любимыя существа—его жена, его ребенокъ. Въ произведеніяхъ Ибсена нѣтъ и слѣда проповѣди отреченія, стремленія къ покою и небытію. Его любимые герои, лучше всего выражающіе его міровоззрѣніе, какъ Росмеръ, не аскеты и не отрекшіеся отъ жизни. Росмеръ—глашатай красоты и благородства, его девизъ: „счастье для всѣхъ, созданное всѣми“. Ибсенъ менѣе всего стремится заглушить въ человѣкѣ инстинктъ счастья. Онъ мечтаетъ о высокомъ идеалѣ, который являлся бы синтезомъ христіанскаго отреченія и языческой жизнерадостности и представлялъ бы одновременное стремленіе къ добру и наслажденію. У Ибсена нѣтъ жажды мистическаго покоя, этого пантеистическаго растворенія индивидуальнаго сознанія въ великомъ и загадочномъ цѣломъ, которое такъ часто встрѣчается у нѣкоторыхъ персонажей Вагнера. Герои Ибсена больше дѣйствуютъ, нежели созерцаютъ, и смерть побѣжден-

нымъ является для нихъ послѣднимъ убѣжищемъ, естественнымъ результатомъ пораженія, но не положительнымъ благомъ, состояніемъ блаженства, которое испытываетъ душа, возвращаясь къ себѣ самой. Мистицизмъ, пессимистическій или иной, одинаково чуждъ Ибсену.

Но есть другой пессимизмъ—пессимизмъ реалиста, проистекающій не изъ чувства, но изъ разума. Мистическій пессимизмъ противопоставляется языческой жизнелюбности; реалистическій пессимизмъ противопоставляется идеалистическому оптимизму. Оптимистъ упоенъ великимъ, прекраснымъ и благороднымъ въ человѣкѣ; онъ вѣритъ въ предустановленную справедливость, обуславливающую побѣду добра надъ зломъ, награжденіе добра, наказаніе зла какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни и въ самомъ процессѣ ея развитія. Реалистическое возрѣніе не разукрашиваетъ дѣйствительности. Люди представляются ему безобразными и посредственными. Не только толпа, „стадо“ отличаются крайнею пошлостью духа, но и въ герояхъ этой толпы множество пороковъ и пятенъ, которые унижаютъ ихъ личность. Общество развращено, покоится на лжи, безжалостно и жестоко. Его строй держится условностями, при помощи которыхъ пытаются создать иллюзію счастья и скрыть отъ самихъ себя всю серьезность переживаемого момента. Реалистическій пессимизмъ можетъ привести и приводитъ къ самымъ противоположнымъ результатамъ и бываетъ то благотворнымъ, то зловреднымъ. Съ одной стороны, пробуждая недовольство, онъ является главнымъ двигателемъ совершенствованія, главной причиною всякой благодѣтельной реформы. Въ своемъ крайнемъ выраженіи этотъ пессимизмъ вырождается въ нигилизмъ Ницше, разсматривающій міръ, какъ результатъ слѣпой и совершенно безразличной необходимости, а исторію,—какъ кровавую бессмыслицу. Онъ приводитъ къ отрицанію нравственныхъ цѣнностей, истины и добра и провозглашаетъ абсолютную тщету всякой надежды „по ту сторону“, всякой вѣры въ идеалъ, объемлющій что либо внѣ индивидуального „я“.

Ибсенъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть помѣщенъ въ ряды реалистическихъ пессимистовъ. Во всѣхъ пьесахъ позднѣйшаго періода онъ является предъ нами безпощаднымъ аналитикомъ язвъ современнаго человѣка и общества. Онъ ничего не пощадилъ. Онъ открыто показалъ намъ пролажность и испорченность „столповъ общества“, вроде консула Берника, который, въ стремленіяхъ къ личной выгодѣ, готовъ дойти до преступленія, или Альвинга, порочнаго алкоголика, превращающаго свой домъ въ притонъ разгула и разврата. Ибсенъ бичуетъ служителей церкви, политикановъ, будь то себялюбивые консерваторы, или пылкіе и честолюбивые радикалы, нецеремонные и циничные, равнодушные ко всякимъ убѣжденіямъ, разъ дѣло идетъ о власти и вліяніи. И презрѣніе, которое онъ питаетъ въ отдѣльности къ каждой „опорѣ общества“, онъ переноситъ и на верховенство самого народа. Тупость „сплоченнаго большинства“ обрисована въ „Штокманнѣ“ съ поразительною силою, не оставляя больше мѣста для либеральныхъ иллюзій.

У Ибсена нѣтъ снисходительности къ излюбленнымъ героямъ. Онъ безпощаденъ и къ нимъ. Поэтъ Фалькъ въ „Комедіи Любви“ являющійся носителемъ идеализма среди общества флистеровъ, — мечтатель, почти галлюцинантъ, нуждающійся самъ въ руководителѣ. Брандъ, представитель начала „все или ничего“, имѣетъ душу слишкомъ холодную, недоступную состраданію. Росмеръ, наиболѣе благородный и чистый герой пьесъ Ибсена, под-

верженъ какъ бы маніи преслѣдованія, страшится призраковъ возвращенія и мистическихъ „бѣлыхъ лошадей“, которыя появляются въ Росмергольмѣ всякій разъ, какъ смерть намѣтила новую жертву. И вся жизнь, какъ она представляется уже и въ первыхъ драмахъ Ибсена, есть печальная трагедія, гдѣ пошляки и эгоисты оспариваютъ другъ у друга призраки безплоднаго и обманчиваго счастья, гдѣ лучшіе люди принесены въ жертву насльдственности или свободно гуляющей заразѣ безнравственности, не обладая силой, необходимой для противодѣйствія или для осуществленія своихъ плановъ.

Послѣднія пьесы Ибсена особенно проникнуты пессимизмомъ. Двѣ проблемы занимали преимущественно Ибсена—честолюбіе и искусство. Надъ обыденною жизнью можно подняться при помощи дѣятельности, направленной къ общему благу, матеріальному и нравственному, или при помощи служенія красотѣ, какъ благу художественному. Ибсенъ ставитъ вопросъ, можно ли этимъ путемъ обезпечить довольство и счастье себѣ и другимъ,—и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тремя позднѣйшими драмами: „Боркманомъ“, „Строителемъ Сольнесомъ“ и „Когда мы, мертвые, пробуждаемся“. Первая пьеса посвящена банкротству честолюбія; вторыя двѣ—банкротству художника, быть можетъ, и самаго искусства.

Боркманъ—это не простой эгоистъ и себялюбецъ. Въ извѣстномъ смыслѣ—онъ идеалистъ. Сынъ углекопа, онъ часто спускался со своимъ отцомъ въ мрачныя галлерей, гдѣ покоятся богатства земли. Тамъ онъ услышалъ пѣсню „спящихъ духовъ золота“, множества узниковъ, обитающихъ, никому невѣдомые, въ глубинѣ скалы, и ему показалось, что эти призраки живутъ, что рудоносныя жилы протягиваютъ къ нему съ мольбою руки и умоляютъ освободить ихъ. Боркманъ понимаетъ ихъ рѣчь и говоритъ имъ: „я васъ люблю—васъ, которые погружены въ мрачную бездну, въ безконечную ночь смерти! Я васъ люблю, богатства, стремящіяся къ жизни, ваше шествіе, полное власти, почта и могущества!“ Онъ гипнотизированъ этимъ блестящимъ видѣніемъ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы стать хозяиномъ всего, что даетъ власть, подчинить своему закону землю и море, поля и лѣса и слѣлать изъ всего этого источникъ благоденствія для тысячъ человѣческихъ существъ. Этой жаждѣ власти онъ приноситъ въ жертву все, что для него дорого. Для полученія мѣста директора банка онъ отказывается, въ пользу вліятельнаго лица, отъ молодой дѣвушки, которую онъ любилъ и которая платила ему взаимностью. Боркманъ уже у запертой двери. Онъ распоряжается копиями, водопадами, безчисленнымъ множествомъ предпріятій и собирается открыть промышленности новые пути, какъ вдругъ внезапная катастрофа разрушаетъ всѣ его планы. Боркману нужно было воспользоваться для своихъ операцій банковыми вкладами. Еще нѣсколько дней,—и дерзкій спекулянтъ достигнетъ цѣли, но вѣроломный другъ дѣлаетъ доносъ,—и все идетъ прахомъ. Крахъ, безчестіе, безславіе. Въ теченіе 5 лѣтъ одиночнаго заключенія, и потомъ еще въ теченіе 8 лѣтъ совершенной бездѣятельности Боркманъ остается одинъ, самъ съ собою, изолированный отъ всѣхъ. Побѣжденный, онъ продолжаетъ мечтать о возмездіи. Совѣсть разрываетъ ему преступленія, за которыя близорукая юстиція осудила его. Онъ вѣритъ въ свою звѣзду. У него великолѣпные проекты. Его воображеніе рисуетъ день, когда его враги, чувствуя, что не могутъ обойтись безъ него, придутъ и станутъ молить его вновь принять на себя правленіе и стать во главѣ новаго банка, основаннаго ими.

Онъ сравниваетъ себя съ Наполеономъ, котораго ранила бы пуля въ первомъ сраженіи.

Но Борманъ—лже-Наполеонъ, и Ибсенъ, съ беспощадною силою, раскрываетъ всѣ изъяны его души. Его честолюбіе имѣло въ виду не благо человѣчества, но исключительно безудержный эгоизмъ. „Ты никого не любишь, кромѣ себя“, говоритъ ему въ лицо его жена. Этому безмѣрному эгоизму онъ принесть въ жертву все: свое имя, репутацію семьи, счастье, которое онъ могъ найти въ любви, и жизнь женщины, которая его любила. Была ли въ немъ несокрушимая вѣра въ свою звѣзду? Сомнительно. Это—честолюбецъ, въ концѣ концовъ, не слишкомъ высокаго полета. Онъ сомнѣвался въ себѣ и въ другихъ. „Люди такъ устроены, говоритъ онъ,—что, вѣра во что либо, они въ немъ вѣчно сомнѣваются“. Онъ сомнѣвался, когда пускалъ въ оборотъ чужіе вклады. Онъ не тронулъ вклада своей бывшей невесты, которую онъ продалъ сопернику. У него есть пріятель Фольдаль, непризнанный стихотворецъ, который считаетъ себя великимъ поэтомъ, какъ Борманъ считаетъ себя гениемъ. Они поддерживаютъ другъ въ другѣ иллюзіи, и Борманъ цѣлыми часами репетируетъ въ своемъ одиночествѣ сцену пріема его враговъ, когда они придутъ умолять его о возвращеніи. Это псевдо-сверхъ-человѣкъ—этотъ маленькій Наполеонъ, безъ искренней, всепроникающей вѣры въ свой гений, съющій, подъ предлогомъ своихъ великолѣпныхъ проектовъ, разореніе и отчаяніе. Онъ напрасно говоритъ, что умеръ въ тотъ день, когда рушилась его честолюбивая мечта о могуществѣ и богатствѣ. Онъ ошибается: онъ умеръ въ тотъ день, когда продалъ свою невесту. Да и жилъ ли онъ когда либо?

Борманъ—развѣнчанный сверхъ-человѣкъ. Но пессимизмъ Ибсена не пользуется этимъ для того, чтобы утвердить буржуазную мораль. Обѣ стороны—одинаково презрѣнны. Пусть Борманъ лже-Наполеонъ. Но и настоящій Наполеонъ не имѣетъ въ глазахъ Ибсена какого либо несомнѣннаго, позитивнаго значенія. Драма Ибсена болѣе, нежели печальная, исторія крушенія честолюбца. Это—крушеніе честолюбія, вообще, крахъ сверхъ-человѣка, слабого и жалкаго, несмотря на претензіи руководства.

Г. Лихтенбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Съ „верховъ“ народнаго театра.

(Продолженіе).

1. „Родина. Гер. Зудермана“.

Пасторъ подготавливалъ подполковника Шварца къ пріему дочери. Младшая дочь Шварца восклицаетъ: „Магда здѣсь?“—и чуть не падаетъ отъ радости въ обморокъ. Франциска, сестра Шварца, выкрикиваетъ свою стереотипную фразу: „Ахъ, кто же дастъ мнѣ стаканъ воды?“ Эта глупая фраза сразу переводитъ установившееся серьезное настроеніе публики въ веселое. Раздается громкій и неудержимый хохотъ верховъ... Какой переходъ! Передъ зрителями только что проходила одна изъ самыхъ

„Замѣстительницы“.

Лазарета.

Старый Планшо.

Молодой Планшо.

сильныхъ сценъ пьесы. Пасторъ говоритъ и о грѣхахъ, и о гордости, и о небѣ, и о всепрощеніи. Въ суровомъ сердцѣ стараго солдата происходила великая борьба. „Верхи“ зорко слѣдили за сценой и съ большимъ вниманіемъ вслушивались въ хорошія слова пастора. Публика готовилась увидѣть пользу добра надъ зломъ; она успѣла настроиться на возвышенный ладъ, и вдругъ театръ обращается въ балаганъ... Ха-ха-ха! хохотали рабочіе, приказчики, прачки, модистки, и у всѣхъ, помимо воли, складывалась физіономія въ благодушную улыбку... Виноваты ли „верхи“ въ этомъ неумѣстномъ смѣхѣ? Нѣтъ, я думаю, виноваты въ этомъ самъ авторъ, вклеившій глупую фразу въ сильное драматическое мѣсто. Виновать въ свою очередь и актеръ, постаравшійся подчеркнуть и выкрикнуть эту фразу. Въ той же пьесѣ нужно отмѣтить другой неумѣстный смѣхъ. Своевольная Магда окончательно добиваетъ отца. Старикъ узнаетъ, что дочь его, Магда, даже „честь“ потеряла; теперь хочетъ жить *по своей волѣ*; и онъ не выдерживаетъ этой борьбы и умираетъ на сценѣ. Конвульсіи, ахъ!.. и въ заключеніе ужасное паденіе на стулъ. Все это очень трогательно, но на этотъ разъ, когда Шварцъ съ горя началъ умирать, и когда артистъ дѣлалъ отчаянныя усилія пробудить въ публикѣ состраданіе и вызвать слезы—послышался на „верхахъ“ дружный смѣхъ. То былъ большой сюрпризъ артисту. Неужели не понимаютъ „верхи“, что совершается на сценѣ? опять спросимъ мы. Нѣтъ, напротивъ, смѣхъ этотъ вызывается большимъ пониманіемъ сцены. Артистъ умираетъ такъ неестественно и такъ смѣшно дрыгалъ ногами, такъ страшно кричалъ, что не захохотать положительно нельзя, если кто обладаетъ хорошимъ, здоровымъ чувствомъ и не зараженъ никакими условностями и привычками культурнаго зрителя. Но какъ бы то ни было, а авторъ и актеръ и въ данномъ случаѣ имѣютъ полное основаніе сѣтовать, что доброе намѣреніе ихъ не принесло надлежащихъ результатовъ.

Въ чтеніи пьесы произведетъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ

въ игрѣ плохихъ артистовъ которые подчасъ совершенно извращаютъ идею пьесы. Распредѣляясь по амплуа: трагиковъ, резонеровъ, простаковъ, любовниковъ и т. д., артисты проникаются ложными взглядами на свою роль; артистамъ кажется, что фату непременно нужно ломаться во всѣхъ пьесахъ: держать голову прямо, одѣваться щеголемъ, говорить какъ-нибудь въ носъ, носить пэвсене, трагикъ имѣть большой ростъ, разбойничью физиономію, говорить по „высокому“ и басомъ. Заражаясь этими ходульными и странными взглядами, артистъ обращается въ марионетку; каждая его потка, каждый жестъ опредѣляется заранее его амплуа. Артистъ часто не вникаетъ въ смыслъ произносимыхъ имъ фразъ; онъ повторяетъ ихъ за сфлперомъ машинально, стараясь лишь, чтобы съ вѣншей стороны игра его была *примична*. Вотъ причина, почему наши артисты смѣшатъ тамъ, гдѣ должны пробуждать слезы. Что, напримѣръ, смѣшного въ словахъ Платона Ивановича Делакторскаго („Испорч. жизнь“ ком. Чернышева), когда онъ, плача, говоритъ: „И у меня была матушка... умерла она!..“ Между тѣмъ публика, глядя на актера, смѣялась; отчего это? Опять же отъ того, что актеръ этотъ *ломалъ* свою роль; зная, что по роли ему надо всегда смѣшнить, актеръ и плачетъ для смѣха...

2) „Поздняя любовь“ Островскаго.

Людмила говоритъ отцу своему, Маргаритову, *самымъ спокойнымъ тономъ*, что заемное письмо довѣрителя Дороднова она отдала Ник. Шаблову, чтобы спасти его отъ долговой ямы.

Маргаритовъ воскликнулъ, указывая на Шаблова: „а это онъ?“ и при этомъ, чтобы еще болѣе отгнѣнить драматизмъ момента, зачмокалъ на всю залу губами. И вотъ опять мы слышимъ самый заразительный, здоровый смѣхъ „верховъ“...

3) Отмѣтимъ ксати смѣхъ, вызванный странной игрой артиста въ Каширской старинѣ: Парфень Семеновичъ Коркинъ кричитъ на сына: „прокляну!“ и въ это время дѣлаетъ такой *трагическій* жестъ, такъ отчаянно вскидываетъ руками, что „верхи“, гдѣ сидятъ легко возбудимая публика, фыркаютъ отъ смѣха, и такимъ образомъ мы лишній разъ убѣждаемся, что наши артисты способны дѣлать только отрицательные эффекты.

Смѣхъ—потребность натуры. Извѣстно, какое громадное значеніе имѣетъ смѣхъ даже для физиологической жизни человѣка. Смѣхъ нуженъ ему, какъ свѣтъ и тепло. Люди, у которыхъ обстоятельства убиваютъ послѣднюю энергію, черезъ смѣхъ нѣкоторымъ образомъ встряхиваются и, хотя на малое время, дѣлаются жизнерадостными. Съ этой стороны народный театръ могъ бы оказать публикѣ неоцѣнимую заслугу. Публика принимаетъ съ удовольствіемъ всякую искру остроумія, готова награждать артистовъ за всякое комичное положеніе горячими аплодисментами. Приходится отмѣтить особенную чуткость зрителя „верховъ“ къ комизму. Увлекался идеей смѣшного, публика прощаетъ многое артистамъ и можетъ дойти до такого состоянія, что отъ одного появленія комика будетъ смѣяться.

1) Благодарная роль Чирикова въ пьесѣ „Въ старые годы“ сразу же завоевываетъ симпатію публики и приводитъ ее въ веселое настроеніе. Каждый его выходъ встрѣчается благодушной улыбкой. Чуть не каждое слово повторяется, смакуется, такъ сказать. По адресу его слышатся замѣчанія: „ишь, расчувствовался!.. Ахъ, чтобъ тебѣ,—настоящій пьяный!“. Когда Чириковъ поетъ заплетающимся языкомъ „Не бѣлы то снѣги,“ публика приходить въ настоящій восторгъ. Добрый, чувствительный и въ то же время прямой и смѣлый Чириковъ становится своимъ человѣкомъ. Заодно ужъ достается доля вниманія и Лукашкѣ съ Парфишкой, которые кажутся очень ужъ „чудными“, и дѣвкѣ Акулкѣ, которую окрещиваютъ „почталомъ“.

2) Роль Шмаги („Безъвинны виноватые“) хотя и ходульна, но такъ какъ она пересыпала „острыми“ словечками, то смѣшила и она, и даже такимъ дешевенькимъ остроуміемъ, какъ: „давай, Гриша, о дѣдушкѣ и бабушкѣ будемъ говорить“, „изъ своей шкуры не вылѣзешь“, „а ты, мамочка, убить меня хотѣлъ?..“

3) Хитрый проныра Паисій-богомолецъ въ „Чародѣйкѣ“ тоже немало смѣшитъ публику текстами св. Писанія, приправленными зеленымъ виномъ и самымъ беззащитнымъ подличаніемъ.

4) Сысой Псоичъ потѣшаетъ публику „рюмочкой“, къ которой онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прикладываетъ („Свои люди—сочтемся“). Смѣшила въ этой пьесѣ сваха, какъ всѣ свахи Островскаго, смѣшилъ Подхалюзинъ своими идеалами семейной жизни, смѣшила и Липочка, которой „можно жениха и потолще...“

5) Хочетъ публика и надъ Робинзономъ („Безприданница“), который въ угоду купца хорошо глумится надъ виномъ и омарами Карандышева и который видитъ во снѣ „богатыхъ дураковъ“; хочетъ публика надъ

словами и выходками Аркашки и Петра („Лѣсъ“), котораго отецъ собирается „хоть на козѣ да женить“ и котораго всѣ дѣвушки любятъ: развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ „мордва некрещеная“, который съумѣлъ отшить на паровозѣ назойливаго знакомаго? „а не сидѣли ли мы съ тобой, говорить, въ острогѣ?“

Смѣется человѣкъ, когда ему весело,—смѣется онъ—и когда ему горько. Когда молодой Вѣлугинъ („Женитьба Вѣлугина“) „разговариваетъ“ свою невѣсту Таню, чтобы она позабыла его, разлюбила, и когда Таня обѣщаетъ это, и Вѣлугинъ „отъ души“ говоритъ: спасибо, Таня! въ глубинѣ слышится смѣхъ: отвязался!.. Или: когда старики Вѣлугины „разыгрываютъ“ глупую роль „въ квартирѣ невѣсты и отца, Настасья Петровна Вѣлугина съ чувствомъ, вздыхая, говоритъ: „Привѣль-то Господь!“—въ публикѣ тоже былъ смѣхъ, сопровождавшійся такимъ замѣчаніемъ: да, привѣль, привѣль!.. Такой смѣхъ есть состраданіе, это больше крикъ негодованія, чѣмъ смѣхъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще смѣхъ, возбуждаемый „салъностями“, всякими намеками на половыя отношенія. Этотъ смѣхъ непріятный; чувствуется въ немъ, какъ въ смѣхѣ отъ шекотки, что-то нездоровое.

До сихъ поръ драматическое искусство, какъ и беллетристика, живетъ, такъ сказать, на любовной иптригѣ. Какъ будто безъ любви мужчины къ женщинамъ не могутъ быть никакія человѣческія отношенія. Пора бы, кажется, оставить эту истрепанную канву; новое слово, идея добра и справедливости могутъ высказываться и непосредственно, безъ этого вводнаго элемента, пора и женщинамъ быть на сценѣ, какъ дѣйствительной жизни, прежде всего человѣкомъ, а потомъ ужъ и самкой. Стыдно становится наконецъ за женщину, играющую такую низменную, служебную роль въ искусствѣ. Романы, повѣсти, драма отзываются старымъ теремомъ, несмотря на всѣ амансипаціи современной женщины. Нуженъ новый Великій Петръ, чтобы женщина въ искусствѣ заняла подобающее мѣсто и играла бы въ немъ человѣческую роль. И надо надѣяться, что гений человѣческій найдетъ наконецъ новые пути для искусства и средства, чтобы возвѣщать людямъ ту же правду. А пока будемъ только желать, чтобы эротическій элементъ не принималъ въ искусствѣ доминирующаго положенія и не становился бы слишкомъ ужъ откровеннымъ. Со всѣмъ не пужо быть пуританиномъ, чтобы возмутиться цинизмомъ нѣкоторыхъ пьесъ нашего репертуара... Много не распространяясь по этому поводу, мы остановимся на пьесахъ Островскаго, занимающихъ до сихъ поръ центральное положеніе на нашей сценѣ. Обратите вниманіе, какъ женщина Островскаго томится страстью. Купческія дочки, вздрагивающія всей утробой при одной мысли о толстыхъ во всѣхъ отношеніяхъ мужчинахъ; мужчины, гонящіеся за лакомыми „статями“ женщинъ; болѣе, чѣмъ игривые, разговоры, цѣлованія и милованія на сценѣ—все это взвинчиваетъ извѣстнымъ образомъ нашихъ кухарокъ, горничныхъ и тѣхъ посѣтителей „верховъ“ настолько, что животный хохотъ, который при данныхъ случаяхъ начинается „разнимать“, заслоняетъ отъ нихъ самую драму какимъ-то туманомъ.

Несомнѣнно,—театръ долженъ имѣть воспитательное значеніе; никто не станетъ оспаривать того, что можно было бы и не говорить вслухъ со сцены: „хорошо имѣть жену на постели“, какъ это дѣлаетъ Платонъ Ивановичъ Делакторскій („Испорч. жизнь“ ком. Чернышева); можно было бы и не убѣгать Любашѣ съ нѣмцемъ въ его квартиру для совершенія извѣстной продажи чести („Царская невѣста“ Мая); можно было бы и не распѣвать Донъ-Жуану, приглашающему дѣвушку для той же цѣли въ замокъ: „ты тамъ мнѣ дашь согласіе, ты тамъ мнѣ скажешь „да“... Прекрасную перспективу открываетъ этой сценой Донъ-Жуанъ юнцамъ. Существуетъ извѣстный взглядъ, идеализирующий личность Донъ-Жуана, по которому прощаются Донъ-Жуану всѣ грѣхи, такъ какъ онъ стремился къ идеѣ женской красоты, и по которому Донъ-Жуанъ становится высокимъ одухотворяющимъ идеаломъ для молодыхъ людей. Но кто знаетъ, не правъ ли былъ Руссо, говорившій, что театръ съ такимъ Донъ-Жуановскимъ направленіемъ приноситъ не пользу, а вредъ. Людямъ высшаго круга нравится „пакость и утонченность пако-сти“, не столько скверное слово, сколько идея, въ немъ заключающаяся; нравится низость паденія, нравится именно вонь... (Ив. Щегловъ. 130. Нар. театр.). И люди высшаго круга всегда были и будутъ одинаковы. Специально для вырожденъ человѣческихъ существуетъ извѣстнаго рода живопись, скульптура и словесность, и вкусы этого сорта людей даютъ нѣкоторый тонъ всему вообще творчеству человѣчества, такъ какъ таланты по преимуществу живутъ ближе къ *вышнимъ*, чѣмъ къ *низшимъ* и по необходимости черпаютъ въ условіяхъ окружающей жизни свое вдохновеніе и бытовые черты для своихъ героевъ. Если наши таланты найдутъ въ себѣ силы избавиться отъ односторонняго вѣянія этой *высшей* культуры,

если будутъ жить въ сферѣ общевародной жизни, тогда навѣрно искусство освободится отъ той скабрезности, которая стала такимъ обычнымъ явленіемъ, что не кажется почти никому странной. Припоминаю я разговоръ съ одной простой женщиной, которая, просмотрѣвъ „Вышеныя деньги“ Островскаго и вспоминая, какъ Кучумовъ „облизывался“ около Лидочки, какъ Глумовъ и Телятевъ откровенно навязывались ей въ любовники, женщина сказала: „они представили-бы, какъ старухи старятся, а они что... все это мы видѣли: какъ жены мужей обманываютъ, какъ мужья отъ женъ гуляютъ. Я и сама въ этомъ домѣ-то жила... Охъ, все это видѣли мы, даже противно“... Сама истина говоритъ устами этой простой женщины. Неправда-ли, что лучше представлять, какъ *старухи старятся*, какъ мѣняются условія и формы жизни, какіе намѣчаются идеалы будущаго?.. Въ комедіи „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ молодымъ людямъ очень понравилось, какъ баринъ Бабаевъ „подъѣхалъ“ къ Татьянѣ Даниловнѣ. „Ахъ, если бы, нашего Петьку!“ „Ужъ грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, ужъ что нибудь будетъ...“ слышалось среди ихъ артели на балкончикѣ театра во время антракта. При этомъ они умащали бесѣду свою такими словечками, такія догадки дѣлали насчетъ Бабаева и Тани, что становилось стыдно не только за этихъ ребятъ, но и за сцену.

П. Казанцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Омнипа недѣли въ Александринскомъ театрѣ будетъ посвящена Н. В. Гоголю, пятидесятилѣтіе со дня смерти котораго исполнится въ февралѣ. Пойдутъ послѣдовательно всѣ пьесы Гоголя, не исключая даже мелкихъ сценъ.

* * *

„Р. Вѣд.“ опровергаютъ появившіеся въ печати слухи о томъ, что дирекція Императорскихъ театровъ намѣрена взять подъ свое управленіе театры въ Одессѣ и Тифлисѣ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ провинціальныхъ городахъ. Пока еще предположенія такого не было.

* * *

По словамъ „Новостей“, одной изъ первыхъ реформъ въ казенныхъ театрахъ, проектируемыхъ новымъ директоромъ, будетъ будто-бы упраздненіе театральна-литературнаго комитета. Комитетъ этотъ будетъ замѣненъ комиссіей (?) изъ режиссеровъ, а также и артистовъ, которая, подъ предсѣдательствомъ директора Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскаго, будетъ выбирать пьесы на цѣлый сезонъ. На нынѣшній сезонъ репертуаръ этотъ уже опредѣленъ, и засѣданія комисіи начнутся съ Великаго поста.

* * *

Дирекція Литературно-художественнаго театра обратилась къ г-р. Апраксиной съ предложеніемъ отстроить сгорѣвшій Малый театръ, причемъ будутъ примѣнены всѣ усовершенствованія. Дирекція предлагаетъ устроить полы изъ огнеупорнаго дерева, металлические колонники, сдѣлать наибольшее число выходовъ и пр. На постройку зданія дирекція готова ассигновать отъ 400 до 500 тысячъ рублей. По истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ зданіе театра перейдетъ въ собственность графини.

* * *

Вышелъ новый списокъ пьесъ „съ исключеніями“, т. е. пока еще неизданныхъ. Большею частью все переводы. Такъ, сразу 3 перевода „Дикой утки“ Ибсена. Между прочимъ, переведена г. Гельмерсеномъ подъ названіемъ „Въ борьбѣ съ рутинной“ пьеса Эрнста „Флакманъ—школьный учитель“, имѣвшая значительный успѣхъ въ Германіи. Что ожидаетъ эту пьесу у насъ—сказать трудно. Есть переводы пьесы Бьернсона—„Жертва политики“ и Эрвье „Взгъ съ факелами“, „course aux flambeaux“. Затѣмъ г. Дельбергъ перевелъ „Decadance“ Гивона, подъ названіемъ „Вырожденіе“. Пьеса эта пойдетъ въ театрѣ Литер.-Художественнаго Общества и принадлежитъ къ числу памфлетовъ на народъ Израиля. Вообще, борьба за наслѣдство „Контрабандистовъ“ ведется довольно энергически.

Такъ, появилось еще 2 произведенія подъ названіемъ „Контрабандисты“. Заимствованная съ нѣмецкаго драма въ 1 д. г. Черепанова и комедія въ одномъ дѣйствіи „Контрабандисты“, соч. г. Серполетти. Къ двухсотлѣтію Петербурга въ 1903 г. заблаговременно написаны: г. Трефиловымъ фантастическая феерія „Двухсотлѣтіе Петербурга“ и дву-

„Замѣстительницы“.

Докторъ Тирель.

мя анонимными авторами „Первый день Петербурга“. Изъ пьесъ, заслуживающихъ вниманія, пропущенъ „Литературный правъ“ И. П. Потапенко, имѣющій появиться въ нашемъ изданіи.

* * *

Петербургское городское попечительство о народной трезвости предполагаетъ выстроить въ Таврическомъ саду большой зимній театръ, рассчитанный на 1200 человѣкъ.

* * *

Въ концѣ октября на сценѣ Александринскаго театра пойдетъ новая пьеса В. О. Трахтенберга „Комета“, эпизодъ въ 4 дѣйств. и 5 карт. Главныя роли распредѣлены между г-жами Савиной, Стравинской, Немировой-Ральфъ, гг. Сазоновымъ, Варламовымъ, Аполлонскимъ, Самойловымъ, Яковлевымъ-Востоковымъ и др.

* * *

А. П. Домашева захворала, и ея роль въ „Воеводѣ“ передана г-жѣ Музиль-Бороздиной. Репетируется пьеса Гальбе „Бездомники“, вмѣсто „Сильвіи“, оказавшейся весьма посредственной пьесой. Вторымъ спектаклемъ идетъ „Ганнеле“.

* * *

Въ театрѣ Литер.-Худож. Общества (Панаевскій) въ сентябрѣ или въ началѣ октября пойдетъ новая пьеса А. А. Плещеева „Въ своей роли“. Это—картина изъ жизни веселаго Петербурга и театральнаго быта. Героиня—русская Маргарита Готье, попадающая на сцену.

* * *

2-го сентября состоялось второе чрезвычайное собраніе членовъ Литературно-Художественнаго Общества. Согласно постановленію собранія пайщиковъ отъ 24-го августа, полагается внести 100 р. на каждый пай для покрытія убытковъ, причиненныхъ пожаромъ. Обществу приходится внести 8,000 р. на принадлежаніе ему 80 паевъ. Какъ выяснилось, за Обществомъ числится долгъ около 800 р., на покрытіе которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ. Вопросъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія. Собраніе постановило просить пайщиковъ театра отсрочить для Общества этотъ дополнительный взносъ съ тѣмъ, чтобы онъ покрывался постепенно изъ тѣхъ дивидендовъ, которые поступятъ въ будущемъ, а равно и изъ

другихъ средствъ, которыми Общество будетъ располагать современемъ.

* * *

По словамъ «Нов. Дня», одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ режиссеровъ становится во главѣ оригинальнаго артистическаго турнѣ, которое направляется въ Сѣверную Америку. Организаторы этого турнѣ намѣрены познакомить американцевъ съ русскимъ историческимъ репертуаромъ, въ составъ котораго включены трилогія А. Толстого, «Каширская старина», «Петръ Великій», «Русская свадьба» и т. п. На этихъ дняхъ стоящій во главѣ этого артистическаго предприятия выѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ и вступитъ въ переговоры съ американскимъ импресарио, г. Барнеттомъ, совершавшимъ турнѣ по Америкѣ.

Кто этотъ режиссеръ? Любопытно!

* * *

Въ труппу г-жи Яворской приглашенъ М. Е. Дарскій. Сезонъ открывается 15 сентября «Бурею». Затѣмъ идутъ «Богатыя невѣсты» Островскаго, «Чайка» Чехова и «Вава» для г-жи Морской. Затѣмъ обѣщаются «Когда мы мертвые воскреснемъ», «Quo vadis?», «Фаустъ» (II часть), «Да здравствуетъ жизнь» Зудермана и мн. др. Вообще обѣщаний много, но все ли исполнится — покажетъ будущее.

* * *

Валовой оборотъ сада и театра «Буффъ» составилъ за 4 мѣсяца почти 500,000 р. Май далъ 136, августъ 124,000, июнь 111,000, июль 109,000.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ репертуаръ Малаго театра включена новая пьеса И. Н. Потапенка «Лишенный правъ».

— Вопросъ о безотлагательной постройкѣ перваго народнаго театра въ Кожевникахъ единогласно рѣшенъ московской городской управой. Приступлено къ работамъ.

Г. Дальскій, окончивъ гастроль въ Москвѣ, сопровождавшійся большимъ успѣхомъ, выѣхалъ на нѣсколько спектаклей въ провинцію. Зимой будто-бы онъ будетъ играть подъ антрепризой Шульца въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ.

— Кстати о г. Дальскомъ. 5 сентября въ Москвѣ, въ камерѣ мирового судьи, разсматривалось дѣло по обвиненію помощникомъ режиссера М. А. Дмитриевымъ г. Дальскаго въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ передъ началомъ спектакля за кулисами театра «Эрмитажъ». Бутафоръ Киселевъ далъ обстоятельное описаніе «пощечины», которая была какъ бы отвѣтомъ на вопросъ пом. режиссера: «можно-ли начинать?», съ которымъ онъ поступалъ въ уборную г. Дальскаго. Тотъ же свидѣтель далъ и общую характеристику артиста. У него громадный темпераментъ. Мелкую театральную сошку артист-гастролеръ держалъ всегда въ какомъ-то паническомъ ужасѣ, и свидѣтель, напримѣръ, никогда самъ не рисковалъ заглянуть въ уборную г. Дальскаго съ бутафоріей, но переправлялъ черезъ лакея.

Сторожъ Мироновъ слышалъ прелюдію къ пощечинѣ. «Дмитріевъ, почему ты такъ плохо одѣтъ?» — спросилъ г. Дальскій. — «Я вѣдь не тысячи получаю, какъ вы», — резонно отвѣтилъ пом. режиссера. Затѣмъ пауза и пощечина. Сторожъ

засвидѣтельствовалъ, что бурный темпераментъ гастролера испытали на себѣ и одинъ статистъ, и театральныя рабочіе.

Въ пользу Дальскаго показывала актрѣ Вороновѣ, парик-Дмахеръ Шелихановъ и лакей г. ильскаго Подгорновъ, который прибавилъ, что незадолго до пощечины Дми-

тріевъ, войдя въ уборную гастролера, не снялъ шапки и былъ за то изгнанъ, при чемъ довольно выразительно выругался. Каждый свидѣтель, конечно, говорилъ и о характерѣ г. Дальскаго, о томъ, бурный-ли онъ Отелло, или мечтательный и кроткій Гамлетъ, и судья г. Челищевъ, при общемъ хохотѣ залы, даже замѣтилъ:

— Очевидно, здѣсь продолжается газетный споръ, — съ темпераментомъ-ли г. Дальскій, или безъ темперамента...

Г. Дальскій приговоренъ къ шестидневному аресту безъ замѣны штрафомъ.

— Надняхъ въ Большомъ театрѣ выступила балерина Гримальди, приглашенная на весь сезонъ. Артистка имѣла успѣхъ.

У артистки надняхъ пропало на нѣсколько десятковъ тысячъ бриллиантовъ, которые нашлись въ кучѣ мусора.

* * *

Право постановки въ Москвѣ новой пьесы Н. Э. Гейнне «Настасья Минкина» приобрѣтено М. Я. Пауре. Эскизы декораций съ натуры будутъ написаны въ с. Грузинкѣ, бывшемъ мѣстопребываніи гр. Аракчеева.

* * *

Между баритономъ г. Орловымъ и дирекціею состоялось примиреніе. Г. Орловъ приглашенъ на гастроль въ Московскій Большой театръ и выступаетъ 4 сентября въ «Игорѣ».

* * *

Александринскій театръ.

Сезонъ Александринскаго театра открытъ комедіей Шекспира «Много шума изъ ничего». Г. Гнѣдичъ возымѣлъ прекрасную мысль поставить эту пьесу. Она полна комизма, нисколько не устарѣвшаго для нашего времени, полна очарованія веселости, жизнерадостности и яснаго духа. Въ Шекспирѣ меня больше всего поражаетъ именно его юморъ. Что бы ни говорили о томъ, что комическое есть «коррелятъ» трагическаго, что юморъ есть «промежуточная краска» героическаго, по выраженію Гете, — я часто останавливаюсь въ недоумѣніи предъ той загадкой духа, которую представляетъ юморъ Шекспира. Для того, чтобы быть юмористомъ, мало обладать извѣстнымъ складомъ благодушно созерцающаго духа. Надо видѣть мелкое, надо различать контрасты въ повседневной обстановкѣ, надо чувствовать пустяки въ такой же мѣрѣ, какъ и великое и ужасное. Когда поэтъ доходитъ до той высоты познанаія, съ которой предъ нимъ раскрывается душа Макбета, Лира и его дочерей, Гамлета и Офелии, Ричарда III и Генриха IV, — какъ можетъ онъ удѣлять вниманіе достоинственнымъ констеблямъ Клоукъ, Киселю, какимъ путемъ его фантазіей можетъ завладѣть вѣшная комедія интриги, дурачество формъ, капризъ веселоправія? На извѣстной высотѣ видишь съ полною ясностью крупныя очертанія, но не замѣчаешь ни мелкихъ фигуръ, ни малѣйшихъ строеній. На извѣстной высотѣ душой поэта

Гримальди.

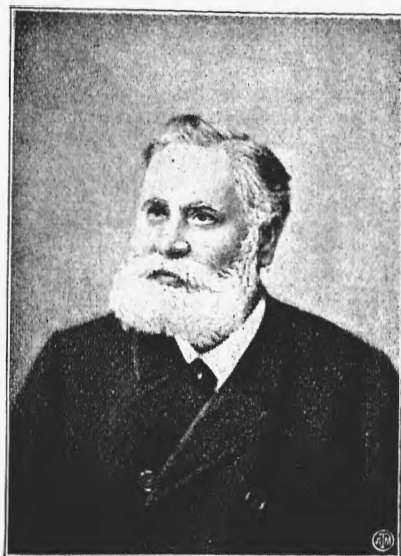
Новая балерина Московскаго Большаго театра.

овладѣваетъ неизбежный пессимизмъ, ибо ясно видишь, что ничто ни къ чему не ведетъ, что нѣтъ мѣры вещей, что всюду комедія ошибокъ, и что повседневно производится много шума изъ ничего, много „ничего“ съ большимъ шумомъ... Для того, чтобы при этомъ не утратить юмористическаго настроенія, нужно обладать болѣе, чѣмъ гениальнымъ разумомъ—слѣдуетъ обладать гениальнымъ характеромъ, своевольнымъ и капризнымъ, то возвышающимся до трагическаго познанія жизни, то нисходящимъ до самыхъ обманчивыхъ и внѣшнихъ ея иллюзій... Слѣдуетъ, будучи гениемъ, быть ребенкомъ. Юморъ Шекспира, это—„Le roi s'amuse“.

Всѣ комедіи Шекспира, а не только „Много шуму“, нужно играть въ томъ воздушномъ, граціозномъ стилѣ, который я позволю себѣ назвать „итальянскимъ Ренессансомъ“. Несомнѣнно, что, пользуясь для большинства комедій итальянскими сюжетами и героями, Шекспиръ чувствовалъ связь настроенія съ первоисточниками литературы и искусства. Италия болѣе другихъ христіанскихъ странъ, сохранила слѣды языческой жизнерадостности. Идеалъ жизни свободной, вольной, не связанной ни дог-

искусно, г. Корвина-Круковскаго, сыгравшаго брата Леонато истиннымъ злодѣемъ веселой комедіи, что далеко не такъ легко, какъ кажется. Я не говорю уже о г. Варламовѣ—Клюквѣ, говорившемъ съ тою „беззаботностью жизни“, съ какою Шекспиръ писалъ. Слаба г-жа Дюжикова 2, и недостаточно выразителенъ въ драматическихъ мѣстахъ г. Новинскій, вообще, впрочемъ, очень приличный Леонато.

Насколько удачно было исполненіе „Много шуму“, настолько слабо сошли „Таланты и поклонники“. Рѣшительно, кромѣ г. Медвѣдева, не на комъ остановиться. Нѣкоторые рецензенты упоминаютъ еще г-жу Стрѣльскую, въ роли Домны Пявтелевны, но я не поклонникъ этой рутинной актрисы, всегда „докладавающей“ роль, да притомъ еще страдающей весьма замѣтной одышкой. Г-жа Потоцкая ни на волосъ не поняла характера Нѣгиной. Артистка прощбетала всю роль, безъ единой паузы, крайне поверхностно, скорѣе въ тонѣ Смѣльской, нежели Нѣгиной. Былъ бы хорошъ г. Далматовъ въ роли Великаго, если бы держался ближе бытовой правды, и не одѣлся бы аташе посольства. Были бы хорошіи и

† С. А. Черневскій.
(Съ послѣдняго портрета).

А. Н. Кондратьевъ.
Новый режиссеръ Моск. Малаго театра.

матизмомъ, ни докучливой моралью, стремящейся къ познанію себя въ природѣ, а не въ абстракціи,—этотъ идеалъ еще не умеръ въ Италиі. И все—разказы и новеллы, картины и скульптуры, архитектура и зодчество,—отражали на себѣ возрожденіе полу-угасшей античной красоты.

Нужно отдать полную справедливость П. П. Гнѣдичу. Художникъ въ душѣ и знатокъ искусства, онъ инстинктивно почувствовалъ, что нужно для комедіи Шекспира. Много свѣту, много воздуху, много неба, много моря. Это—необходимая рамка комедіи, въ которой все безпечально, привольно, полно здоровья, физическаго равновѣсія, радости пантеизма... Въ этомъ тонѣ слѣдуетъ играть на сценѣ. Каждый герой комедіи, подобно Алкивиаду, долженъ „хохотать надъ мудрецами и безумными глазами на прекрасную глядѣть“.

Постановка „Много шуму изъ ничего“—безупречна. Я не придаю особеннаго значенія смѣшенію стилей въ костюмахъ. Костюмы были достаточно яркіе и свѣжіе. Въ концѣ концовъ историческая точность костюма (какому времени?) не играетъ никакой роли. Но декорации, группы, освѣщеніе и общій тонъ, увѣренный, мягкій и радостный, удались прекрасно. За малыми исключеніями, играли очень хорошо. Бенедиктъ г. Далматовъ, быть можетъ, нѣсколько тяжеловатъ, но оживленіе, юморъ, которые артистъ вноситъ въ свою роль, неожиданная смѣлость интонацій, столь отличающая талантъ этого превосходнаго актера, дѣлаютъ его незаменимымъ исполнителемъ этой роли. Г-жа Потоцкая—Беатриче, быть можетъ, не достаточно виртуозно исполняетъ свою роль, но въ ней много непосредственности, яркости, задора. Ей вѣришь, что это Беатриче, и даже радуешься, что не замѣчаешь ухищреній искусства. Затѣмъ мнѣ остается съ полной похвалой отмѣтить г. Ремизова (Киселя), гг. Юрьева, Ридала, Озаровскаго, Глазунова, Петрова, Арбенина, сумѣвшаго два слова произнести съ большимъ юморомъ и очень

другіе, если бы они поняли духъ пьесы. Но они его совершенно не усвоили. Они играли пьесу въ томъ легкомъ комедійномъ тонѣ, который, вообще, непригоденъ въ русскихъ пьесахъ, а въ произведеніяхъ Островскаго въ особенности. А главное, никто не далъ себѣ труда подумать надъ тѣмъ, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ происходитъ развитіе пьесы. Жаль дарованій, безцѣльно растраченныхъ на ложно понятую задачу. Напримѣръ, г. Ходотовъ. Развѣ не жаль этого даровитаго актера, который впадаетъ въ маниловщину, въ елей, въ поддѣлку, манерность?

Съ внѣшней стороны, „Таланты и поклонники“ поставлены хорошо. Находились критики, которымъ не нравился садъ при театрѣ, да и вокзалъ не казался удовлетворительнымъ. Но, по моему, это очень хорошо. Это—большой шагъ впередъ.

* * *

Нотто novus.

Балетъ. Поставленный для открытія балетныхъ спектаклей балетъ „Камарго“ прошелъ далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, съ какимъ онъ уже три раза шелъ въ теченіе минувшаго зимняго сезона. Хотя въ этомъ балетѣ слишкомъ много мимическихъ сценъ, не отличающихся ни комизмомъ, ни драматизмомъ, тѣмъ не менѣе въ немъ не мало интересныхъ танцевъ. Но въ театрѣ чувствовалось необыкновенное равнодушіе. Это равнодушіе тѣмъ болѣе удивительно, что значительный процентъ балетныхъ посѣтителей представляетъ „касту“ „поклонниковъ“, способныхъ годами просиживать свои кресла и десятикратно смотрѣть одинъ и тотъ же балетъ. „Зрѣлище балетныхъ танцевъ“, этихъ пестренкихъ, пикантненькихъ костюмчиковъ, коротенькихъ тюникъ и юбочекъ, обнаженныхъ ножекъ и миленькихъ улыбочекъ удовлетворяетъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, безотносительно къ достоинству самаго спектакля. Но на этотъ разъ даже и эти

поклонники не могли приподнять упавшее настроение публики, утомленной, тоскливой и неудовлетворенной.

Не успѣвшее-ли скрыться въ осеннихъ тучахъ лѣтнее солнце или продолжительная отвычка отъ труда, но въ доброй половинѣ тапцовщицъ не только не сказывалось достаточнаго воодушевленія, но мѣстами не подмѣчалось даже простой увѣренности. Могли-ли захватить публику скажемъ для примѣра, безцвѣтные и неудачные танцы г-жъ Обуховой, Мосоловой, Рутковской и друг.?.. Полное несоотвѣстствіе танцевъ стилю и отсутствіе должнаго колорита явно бросались въ глаза. Какъ рѣдко приходится въ балетѣ слышать шикарье, но на этотъ разъ публика проводила съ шикарьемъ какъ г-жу Мосолову, такъ и г-жу Рутковскую, а послѣднюю даже съ шикарьемъ и встрѣтила.

Можно было бы указать много другихъ недочетовъ въ этомъ балетѣ. Декораціямъ не хватало красоты, фантазіи и даже вѣрности стилю... Вудуаръ Камарго вапоминалъ своими сѣнами не то больницу палату, не то пріемный залъ одного изъ департаментовъ... А неуклюжая декорация 4-й картины, которая должна изображать роскошный придворный паркъ со зрительнымъ театральнымъ заломъ, во смахивала на машинный павильонъ съ нижегородской выставки!.. А убогое освѣщеніе, эти вѣщныя, проваливающіяся въ подсмѣлье врата, эти длиннополые, рѣжущіе глазъ безвкусицей, костюмы дѣтей (пезабудки) и проч. Въ исполнителяхъ чувствовались вялость, припудренность и какое-то непростительное безучастіе. Для примѣра укажемъ на маскарадный балъ, или, еще лучше, на выходъ въ 4-й картинѣ „гостей“. Всѣ они были далеки отъ того, что творилось на сценѣ, и невольно хотѣлось имъ сказать: „ну, что вы тутъ томитесь, идите, миленькіе, домой спать“!..

Существенный интересъ этого спектакля состоялъ въ томъ, что въ заглавной роли балета, исполнявшейся у насъ равнѣе г-жами Лепьями и Кшесинскою 2-ю, въ 1-й разъ выступила г-жа Преображенская. Конечно, танцы г-жи Преображенской, какъ и всегда, отличались и граціозностью, и воздушностью, и поэтичностью формъ, и техническими достоинствами, но все таки г-жа Преображенская не имѣла того шумнаго успѣха, который обыкновенно выпадаетъ на ея долю въ другихъ балетахъ. Говорятъ, что г-жа Преображенская ѣздила лѣтомъ въ Миланъ и брала у м-ме Беретта уроки, чтобы развить и усовершенствовать свои техническія способности, но и эти уроки немного помогли ея художественному успѣху. Впрочемъ, публика все-таки принимала ее лучше другихъ, хотя пріемъ не имѣлъ характера единодушія. Портитъ цѣльности впечатлѣнія и ея миниатюрная фигура, въ особенности въ „русской плясцѣ“, въ сопоставленіи съ рослымъ и виднымъ „Морозомъ“, въ лицѣ г. Лукьянова... И что это была за „русская пляска“,—почти каррикатурал...

Пожалуй, наибольшій успѣхъ въ балетѣ выпалъ на долю г. Ауэра за великолѣпно имъ сыгранное соло на скрипкѣ. Впрочемъ, справедливосць требуетъ выдѣлить еще въ классическихъ танцахъ молодую, но безспорно талантливую танцовщицу г-жу Виль, въ танцахъ которой сказывается и благородный вкусъ, и стремленіе къ граціозной выразительности, и недюжинное техническое дарованіе по части техники. Затѣмъ назову еще всегда изящнаго и элегантнаго г. Гердта, гг. Обухова, Шириева и Бекефи, а также г-жу Петипа 1-ю, которой слѣдуетъ въ заслугу поставить если не ея техническій талантъ, для венгерскаго разъ, то по крайней мѣрѣ ту страстность и бrio въ исполненіи, которыя она вноситъ во всѣ танцы и которымъ смѣло могутъ позавидовать многія изъ нашихъ молодыхъ танцовщицъ.

Театръ былъ неполовъ.

II. Ф.

* * *

На балетной сценѣ предстоятъ гастроли двухъ московскихъ балеринъ—г-жъ Рославлевой и Гельцеръ. Первая изъ нихъ, какъ предполагается, выступитъ 12 сентября въ бал. „Корсаръ“, а вторая—16 сентября въ бал. „Раймонда“, а затѣмъ будетъ поставленъ бал. „Баядерка“, съ участіемъ обѣихъ балеринъ (23 сентября).

* * *

Въ текущемъ сезонѣ балетный репертуаръ обновится двумя балетами: „Сильвія“ (муз. Делиба) и „Донъ-Кихотъ“ (муз. Минкуса). Первый изъ названныхъ балетовъ, по слухамъ, будетъ поставленъ для бенефиса г-жи Преображенской.

* * *

Балерина г-жи М. Кшесинская 2-я на-дняхъ уѣзжаетъ на два мѣсяца въ заграничный отпускъ.

* * *

На-дняхъ въ театрѣ Корша была поставлена впервые пьеса „Мелкая сошка“. Приводимъ отзывы прессы. „Первый актъ необыкновенно веселый, второй очень оригиналенъ, а третій гораздо забавнѣе, чѣмъ обычные финалы легкихъ французскихъ комедій,—таковъ рецептъ комедіи „Мелкая сошка“ (М. Л.). „Новинка“ особенными достоинствами не отличается ни по сюжету, ни въ смыслѣ формы, но смотрится довольно легко, хотя и не вездѣ съ одинаковымъ интересомъ“ (Р. В.). „Понравилась-ли „Сошка“ публикѣ? Кажется, не очень. Аплодировали, но для коршевскаго театра—вяло, особенно послѣ послѣдняго занавѣса. По репортерскому клише—успѣхъ средній“ („Нов. Дня). „Пьеска ни на что не претендуетъ; она даже и нестроумна... Моментами—это дешевой балаганъ, но, слушая ее, нельзя не смѣяться“ (Р. Л.) и т. д.

* * *

Піанистки Эмма и Женни Штембергъ предприняли рядъ концертовъ на югѣ Россіи. Въ программу входятъ: Чайковский, Рубинштейнъ, Аренскій, Скрябинъ и Покровскій. Г-жа Э. Штембергъ осенью выступитъ на симфоническихъ концертахъ въ Астрахани и Нижнемъ-Новгородѣ.

* * *

Колпино. Въ воскресенье, 20-го августа, закончились здѣсь спектакли драматической группы подъ управленіемъ К. П. Ларина. Для закрытія была поставлена драма Г. Осетрова „Убийство на мельницѣ“, дружно разыгранная группою. За лѣтній сезонъ поставлены были слѣдующія пьесы: „Жребій на жизнь и смерть“, „Женитьба“, „За монастырской стѣной“, „Клеймо“, „Трильби“, „Скошенный цвѣтокъ“, „Изумительныя превращенія“, Билибина, „Исторія одного курьезнаго супружества“, Жидовка, „Вторая молодость“ „Убийство Коверлей“, „Рабыни веселья“, „Испанскій дворянинъ“, „Власть тьмы“, „Воровка дѣтей“, „Два подростка“, „Контрабандисты“, „Рабочая слободка“, „Мертвыя души“, „Преступленіе и наказаніе“, „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“. Кромѣ того, шла „Наталка Полтавка“ и опера „Евгеній Онѣгинъ“.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

Гомель-Бобруйскъ. Намъ доставленъ отчетъ товарищества подъ управленіемъ В. И. Никулина, игравшаго нынѣшнее лѣто въ Гомелѣ и Бобруйскѣ. Сезонъ открылся въ гор. Гомелѣ 3-го мая и закончился 18 августа. Всего сыграно было за 3 1/2 мѣсяц. 45 спектаклей. Взято валового сбора 8010 рублѣй (около 180 руб. на кругъ отъ каждого спектакля). Кромѣ того, товариществомъ еще дано было 12 гострольныхъ спектаклей въ гор. Бобруйскѣ, съ которыхъ выручено было свыше 2000 руб. (около 200 руб. на кругъ). Самые большіе сборы въ Гомелѣ дали пьесы: „Рабочая слободка“, „Золотая Ева“, „Преступленіе и наказаніе“ и „Маргарита Готье“. Лучшіе бенефисы—г-жи Шейной и г. Никулина. Въ Бобруйскѣ:—„Слѣдователь“ и „Дядя Ваня“. За уплатою гарантированнаго жалованья суфлеру, пом. режиссера, управляющему, кассиру и 6 маленькимъ актрисамъ и актерамъ и за покрытіемъ всѣхъ расходовъ товарищество получило съ бенефисными большѣе сорока копѣекъ на рубль, не считая дорожныхъ и суточныхъ по 5 копѣекъ въ Бобруйскѣ. Оклады марокъ достигали до 500 номинальныхъ рублѣй.

Астрахань. Зимній театръ Плотникова снятъ В. И. Никулинымъ. Составъ. Женскій персоналъ: героиня—Е. И. Шенна, энженю—г-жи Попова-Азотова, Журина, Синегубъ, Сарматова, старухи—Яблочкина, Ростовцева, второй и третій персонажъ—г-жи Борисоглѣбская, Стеблинская, Федорова, Травская, Мичурина, Кремлева, Тургенева, Жданова, Хохлова, Истомина и Кругликова. Мужской персоналъ: гг. Никулинъ, Череповъ-Орловскій, Костюковъ, Норинъ, Разсудовъ, Колесовъ, Покровскій, Дагмаровъ, Хохловъ, Баяновъ, второй персонажъ—гг. Кудрявцевъ, Бартеневъ, Бергъ, Романчи, Кутузовъ, Басмановъ, Кругликовъ и Сахаровъ. Суфлеръ—Лавриновичъ. Режиссеры—В. И. Никулинъ и А. В. Череповъ-Орловскій. Предложена постановка г. Никулинымъ цѣлаго ряда народныхъ, солдатскихъ и бесплатныхъ ученическихъ спектаклей. Открытіе сезона состоится 29 сентября или 1-го октября. Репертуаръ намѣченъ преимущественно современнымъ и серьезнымъ. Обязательно войдутъ въ него произведенія Чехова, Гауптмана, Ибсена, Зудермана и и друг.

Томскъ. Зимній сезонъ дирекція Л. М. Богдановичъ-Самойловой. Режиссеры: А. І. Крамовъ и Д. В. Пальминъ. Составъ труппы: С. А. Волгина-Покровская, Л. М. Самойлова, Е. В. Пояркова, В. М. Марченко, М. П. Кундасова, М. А. Нининкая, Т. А. Попова, В. П. Маркса, В. М. Александрова, О. Н. Петровская, В. В. Рубашевская, Н. В. Кранская, С. Н. Нерадовскій, Г. Р. Абрамовъ, А. І. Крамовъ, Д. В. Пальминъ, Л. В. Дубекій, А. К. Гончаровъ, В. А. Савельевъ, А. Б. Половцевъ, Разумовъ, Шуйскій, В. И. Любавинъ, Д. Ф.

Крутилинъ, А. А. Таллеръ—помощн. режиссера, Г. А. Вишняковъ (суперъ). Главный администраторъ Ю. Н. Богдановичъ. Управляющій—А. А. Айдаровъ.

Кіевъ. Открытіе городского театра предполагается 16 сентября. Объ этомъ уже извѣщены артисты оперной труппы М. М. Борода. Для открытія новаго театра пойдетъ «Жизнь за Царя», въ которой партію Антонида будетъ пѣть г-жа Боброва, Вани—г-жа Томская, Сусанина—г. Туссинъ; въ партіи Сабинина выступитъ, вѣроятно, г. Арцимовичъ. Часть труппы уже находится въ Кіевѣ.

Общее число мѣстъ 1,683. Обыкновенный вечерный сборъ 1,800 р., бенефисный—2,248 р.

15-го сентября въ театрѣ Бергонье начнутся спектакли русской оперетки С. Н. Новикова подъ дирекціей В. Н. Шульца. Въ составъ труппы вошли: Блюменталь-Тамаринъ, Никитина, Делармъ, Михайловъ, Бураковский и Богдановъ; ведутся переговоры съ Милутиной и Рутковскимъ.

Самара. Въ составъ труппы г. Медвѣдева на сезонъ 1901—1902 годъ приглашены слѣдующіе артисты: Галицкій Г. С., Тугановъ А. А., Свѣтовъ А. Н., Бѣлиновичъ М. Н., Бѣльскій А. П., Митрофановъ С. С., Муромцевъ П. Д., Долинъ Е. М., Шабельскій Ф. Д., Свободина-Барышева М. И., Терехова М. Н., Ильмарская В. Н., Суревичъ К. С., Миклульская М. А., Попова А. Ф., Калашникова А. Н., Бура Н. В., Смолина К. В.

Николаевъ. Съ 1 сентября въ зимнемъ театрѣ Я. Я. Шеффера начнется представленіе товарищество русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ М. К. Ярошенко. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Зинина, Шевченко, Хмельницкая, Шириметьева, Каширинъ, Гай, Никитина, Пинчукова, Васильева и др., гг. Ярошенко, Зарвалюкъ, Гульбенко, Лозовой, Громовъ, Колесниченко, Гармошъ, Шевченко, Богодуховскій, Свицкаръ и др.

Ростовъ на Д. Зима. Опера. Антреприза М. О. Салтыкова. Составъ труппы: г-жи Тиманина, Ванъ-дерб-Вейде, Селюкъ, Зиндерсъ, Мейчикъ, Декановъ, Львова, гг. Гладковъ и Бранинскій (баритоны), Майнъ, Евгеньевъ-Дарскій, Мосинъ, Буравцовъ и Бобринскій (тенора), Барсовъ, Оедоровъ, Погубинскій (басы), Брауде, Готгельфъ (вторыя партіи). Открытіе сезона 20 сентября. Идетъ «Аида».

Смоленскъ. Режиссеромъ въ театрѣ Попечительства приглашенъ А. И. Черняевъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ играть 1-хъ любовниковъ. Кромѣ того, приглашены вновь: А. П. Волконская (героиня), И. А. Польш (ing. com.), А. П. Бѣляевъ (2-й любовникъ и фатъ). Сезонъ открывается 8 сентября. Идутъ «Соколы и вороны».

Кинешма. Режиссеромъ въ народный театрѣ Островскаго приглашенъ г. Алякринскій.

Нижній-Новгородъ. Въ городскомъ театрѣ идутъ усиленные репетиціи новыхъ пьесъ, съ участіемъ недавно прибывшаго въ Н.-Новгородъ премьера труппы г. Петипа. Зимній сезонъ въ городскомъ театрѣ начнется въ воскресенье, 16 сентября, «Ревизоромъ». Первыми спектаклями пойдутъ: «Гувернеръ», «Полусвѣтъ», «Рюи-Блазъ» и др. Спектакли будутъ идти пять разъ въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ, средамъ, четвергамъ и пятницамъ.

Въ соединенномъ клубѣ начало спектаклей труппы г. Незлобина—23 сентября. На первый разъ пойдетъ 4-актная комедія Тарновскаго «Тетеревамъ не летать по деревьямъ». Для всесословнаго клуба выработанъ специальный репертуаръ, состоящій изъ легкихъ комедій, фарсовъ и водевилей. Ежедневно пойдетъ не менѣе 2-хъ спектаклей.

Одесса. На зимній сезонъ труппа Попечительства о народной трезвости пополнилась. Вновь приглашены: г-жа Пурганова (ing. dram.) и г. Россовъ (на классическій репертуаръ). Режиссеромъ по-прежнему остается Т. Н. Селивановъ.

— Русский театръ сланъ Б. Н. Киселевичу съ 25 октября по 1 ноября с. г. для шести спектаклей знаменитой нѣмецкой артистки Адель Зандрокъ съ ея труппой. Г-жа Зандрокъ привѣзаетъ въ Россію впервые.

— Новый театръ, сооружаемый г. Брунштейномъ на Дальницкой улицѣ, вполне законченъ снаружи, спѣшно отдѣливается, такъ что черезъ мѣсяцъ онъ будетъ уже совершенно готовъ къ открытію. Зрительная зала, съ двумя ярусами ложъ по бокамъ и амфитеатромъ посрединѣ, разсчитана на 1200 зрителей (включая 500 мѣстъ партера). Сцена, какъ видно, является предметомъ особенной заботливости строителя: она вышла и широкой, и глубокой, и красивой.

— Сезонъ городского театра открылся 1 сентября. Первымъ спектаклемъ шли «Три сестры». Составъ труппы г. Соловцова, за малымъ исключеніемъ, почти весь старый, поэтому публика встрѣчала артистовъ, какъ старыхъ и любимыхъ знакомцевъ. Исполненіе «Трехъ сестеръ», по мнѣнію «Од. Нов.», оставило «общее впечатлѣніе превосходное». Но отдѣльные артисты далеко не всѣ были удовлетворительны. Г-жа Болотина (Наташа Прозорова) не совсѣмъ удовлетворила, потому что она «молодая и неопытная еще артистка». Г. Соловцовъ игралъ Соленаго «слишкомъ развязно и резонерски». Зато, опять-таки по мнѣнію той же газеты, «превосходно передали Чебутыкина г. Степановъ и Кулыгина г. Недѣлинъ».

Тифлисъ. Въ скоромъ времени открывается въ театрѣ гру-

зинскаго дворянства сезонъ грузинскихъ драматическихъ спектаклей. Въ составъ труппы входятъ почти всѣ лучшія силы. Дебютантами выступаютъ г-жа Чиковани и гг. Ланди и Эдлошвили. Режиссеромъ труппы приглашенъ извѣстный артистъ В. Абашидзе.

Таганрогъ — Нахичевань. На предстоящій зимній сезонъ антрепренеромъ П. П. Струйскимъ для театровъ въ городахъ Таганрогъ и Нахичевани составлена драматическая труппа, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: женскій персоналъ: драматическая героиня Н. Я. Пальчикова, grand-coquette и героиня Н. А. Собинова, комическая старуха Ф. И. Шеглова, grand-dame и драматическая старуха г-жа Фадѣева, драматическая инженеръ г-жа Свободина, grand-coquette и бытовья — г-жа Анина, комическая старуха г-жа Эльмина, водеvilная — г-жа Ренева, вторыя — г-жи Левина, Волынская, Польш, бытовья — В. И. Бабинова, субретки г-жи Ильина, Азанчевская, Теплова, Юкова, Арбенина. Мужской персоналъ: драматическіе любовники гг. Струйскій и Орловъ-Чужбиновъ; комикъ-резонеръ г. Никитинъ-Фабіанскій; комики гг. Мартыновъ и Шербаковъ; драматическій резонеръ г. Цвиленевъ; 2-й любовникъ г. Бессарабовъ; 2-й резонеръ г. Волжинъ; простакъ г. Гофманъ; на роли молодыхъ людей г. Березовскій; 2-й простакъ г. Новскій; на роли старыхъ слугъ г. Ильинъ; на 2-я роли гг. Горбатовъ и Тишинъ; на маленькія роли гг. Ефимовъ, Юковъ, Красновъ, Малыгинъ. Суфлеры — Арбенинъ и Михайловъ; помощникъ режиссера г. Вербинъ, декораторъ г. Завадскій.

Вильна. 2 сентября открылся сезонъ въ Большомъ театрѣ. Поставлена впервые въ Вильнѣ «Каширская старина». Въ роли Марьи выступила г-жа Лачинова, знакомая Петербургу по театру г-жи Шабельской. По словамъ «Сѣв.-Зп. Сл.», въ лицѣ этой артистки виленьскій театръ приобрѣлъ «серьезную, несмотря на ея молодость, артистку съ выдающимся сценическимъ талантомъ». Другая дебютантка, г-жа Чаруская, по словамъ С.-З. Сл.—жизнерадостная, бойкая ingénue comique, недавно, вѣроятно, оставившая амбула водеvilныхъ хохотушекъ.

Тифлисъ. Драма. Антреприза С. Волгиной. Пока приглашены г-жа Тираспольская и Петипа младшій.

Новыя антрепризы: **Воронежъ** — драма, антреприза А. А. Линтварева, **Пенза** — оперетка, антреприза И. Д. Болдырева, **Кинешевъ-Екатеринославъ** — драма, антреприза гг. Людвигова и Форкатти, **Омскъ** — драма, антр. М. И. Уварова-Самборскаго, **Нерчъ** — драма, антр. г. Шильдкрета, **Вятка** — драма, антр. г. Погуляева, **Смоленскъ** — народный театръ, — дирекція, **Благодное собраніе** — драма, антр. В. В. Верховскаго, **Гродно** — драма, антр. Н. А. Борисова, **Тобольскъ** — народный театръ, дирекція г. Славянскаго, **Тифлисъ** — залъ Артистическаго общества, антреприза С. П. Волгиной, **Троицъ** (Оренбург. губ.) — антреприза г. Бронина.

ИЗЪ МОСКВЫ.

Покойный Андреевъ-Бурлакъ приспособилъ и читалъ со сцены гоголевскія «Записки сумасшедшаго». Говорятъ, что у него это выходило не совсѣмъ хорошо; у его послѣдователей, которые, къ счастью, перевелись въ русскомъ театрѣ («Записки» давно перешли на любительскія сцены) — это было отвратительно. Я сохранилъ ихъ — эти впечатлѣнія. Эти впечатлѣнія, грубая и назойливая, очень сильны, но совершенно другого порядка, чѣмъ впечатлѣнія отъ искусства. Они мнѣ ярко вспомнились въ коршевскомъ театрѣ, когда я смотрѣлъ г. Яковлева въ пьесѣ г. Трахтенберга «Потемки души».

Сказать, хорошо или плохо игралъ г. Яковлевъ Пытоева, такъ же трудно, какъ сказать, хорошо или плохо его написалъ г. Трахтенбергъ. Къ пьесѣ приложенъ списокъ научныхъ источниковъ, которыми пользовался г. Трахтенбергъ; въ свое время въ Петербургѣ интервьюировали психіатровъ по тому же вопросу. Списокъ длиненъ, и авторъ — настолько добросовѣстный изслѣдователь, что тутъ же сѣтуетъ на недостатокъ сочиненій къ своей темѣ на русскомъ языкѣ; психіатры высказались за то, что послѣдовательная картина помѣшательства Пытоева изображена вѣрно. Происходитъ странное явленіе: произведеніе искусства трактуется, какъ ученая диссертация.

Юрьевскій профессоръ Чижъ изумлялся глубинѣ изображеній болыной души у Достоевскаго и изучалъ ихъ съ чисто научной стороны. И такая сила искусства: онъ открылъ новыя, до тѣхъ поръ не наблюденныя и блестяще подтвердившіяся тонкія черты психическихъ заболѣваній! Художнику и въ голову не приходило обратиться къ научному матеріалу — онъ самъ создавалъ матеріалъ для науки. Теперь, какъ ка-

жестя, «мы все это перемѣнили», и недалеко время появления гражданской пьесы по отчетамъ губернаторовъ. Смѣшались задачи и методы. Художественное произведение, дедуктивный по существу, по преимуществу — примѣняетъ индуктивный методъ науки. Все это, впрочемъ, лишь общія разсужденія, и въ пьесѣ г. Трахтенберга очень мало науки. Немного въ ней и искусства.

Можетъ быть, г. Трахтенбергъ очень талантливый художникъ, но самая мысль написать психіатрическую пьесу по научнымъ источникамъ не имѣетъ съ искусствомъ ничего общаго. Нѣкоторые изъ критиковъ были склонны раздвинуть изображеніе и отъ частнаго случая помѣшательства г. Пытоса подойти къ общей идеѣ раздвоенія души. Такъ, очевидно, хотѣтъ смотрѣть на свою пьесу и самъ авторъ, печатая въ афишѣ цитату изъ Гюйо: «Наше «я» есть величина лишь приближительная... Въ глубинѣ каждаго изъ насъ есть нѣсколько «я», подвижное равновѣсіе которыхъ и составляетъ то, что мы склонны считать нашими истиннымъ «я». Прекрасная цитата была бы у мѣста въ заголовкѣ всякаго произведенія, изображающаго души и страсти людей, но она не имѣетъ никакого болѣе близкаго отношенія къ пьесѣ г. Трахтенберга «Потемки души».

Въ самомъ дѣлѣ... Г. Пытосъ, человѣкъ, какихъ много — ни глупый, ни умный — полонъ животной страсти къ своей женѣ. Попытки объяснить духовнымъ сродствомъ цѣлованіе пальчиковъ на ея ногахъ («не возбужденія ишу») не выдерживаютъ критики. Зачѣмъ такъ осложнять несложное? Наконецъ, Пытосъ рѣжетъ бритвой жену «по вкусному мѣстечку» уже прямо въ половомъ экстазѣ. Благодаря тому, что жена Пытоса гораздо моложе своего мужа, вышла замужъ рано, переживаетъ острый періодъ 30-лѣтней женщины, не имѣетъ дѣтей (объ этомъ какъ-то странно забыто въ пьесѣ), — она даетъ своему мужу постоянные поводы къ мучительной ревности. Еще Бѣлинскій доказывалъ, что ревность — чувство неразумное и недостойное. Это, конечно, никого не спасло и ничему не научило, и всякій современный человѣкъ, попавшій въ положеніе Пытоса, борется здѣсь между страстью и, если хотите, любовью... слабостью, какъ склоненъ я думать. Великодушіе предписываетъ не стѣснять свободы чувства, уйти съ дороги, любя женщину, предоставить ей наслаждаться любовью другого; страсть очень упряма и вполнѣ разумно смѣется надъ подобнымъ рыцарствомъ и считаетъ его для себя оскорбительнымъ. Кто виноватъ, въ самомъ дѣлѣ, что г. Пытосъ, какъ и всякій другой въ его положеніи, не сумѣлъ возбудить и сохранить къ себѣ любовь въ такъ любимой и нужной ему женщинѣ? Является новый мотивъ скрытнаго и справедливаго презрѣнія къ самому себѣ, котораго, между прочимъ, г. Трахтенбергъ не коснулся въ своей пьесѣ. Въ душѣ ревнивица бушуютъ и борются разностороннія побужденія: сейчасъ онъ какъ будто рѣшился свеликодушничать, черезъ минуту онъ самъ молить о пощадѣ, или убиваетъ своего соперника, или рѣжетъ свою самку «по вкусному мѣстечку». Последнее онъ можетъ совершить въ состояніи невмѣняемости, какъ навязываетъ нашъ законъ, но и тутъ продолжаетъ оставаться такимъ же, какъ всѣ, и его совѣзмъ нѣтъ нужды прятать въ сумасшедшій домъ.

У Достоевскаго въ биографіи старца Зосимы есть одно очень интересное описаніе убійства на почвѣ ревности. Оно своеобразно своею холодной протокольной простотой. «Было имъ совершенно великое и страшное преступленіе надъ одною богатою госпожей, молодою и прекрасною собой. Почувствовавъ къ ней любовь великую, сдѣлалъ онъ ей изъясненіе въ любви и началъ склонять ее выйти за него замужъ. Но она отдала уже свое сердце другому... Пробравшись въ жилые покои, онъ въ темнотѣ прошелъ въ ея спальню, въ которой горѣла лампада. При видѣ спящей разгорѣлась въ немъ страсть, а затѣмъ схватила его сердце мстительная ревнивая злоба, и, не помня себя, какъ пьяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ и съ преступнымъ расчетомъ устроилъ такъ, чтобы подумали на слугъ... Совершивъ сіе ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ». У Золя въ «Человѣкъ-звѣрь» есть описаніе убійства на почвѣ половой извращенности — жажды крови, а какъ просто, какъ спокойно!.. Какой-то душевно-больной вродѣ Жака изъ «Человѣка-звѣря» колотитъ иглою подростковъ-дѣвушекъ на улицахъ Москвы, и съ такимъ самообладаніемъ, что цѣлую недѣлю избѣгалъ полиціи.

Г. Трахтенбергъ самымъ прозаическимъ образомъ свелъ съ ума своего героя и изобразилъ колебанія мучимаго ревности Пытоса въ формѣ разговора съ представлявшимся ему двойникомъ. Этимъ онъ до-нельзя сузилъ художественную сторону своего изображенія, и Пытосъ, съ его насльдственнымъ предрасположеніемъ къ сумасшествію, не совсѣмъ согласному съ обстоятельствами дѣла — неинтересный, рядовой человѣкъ — сталъ намъ глубоко безразличенъ. Свихнулся, началъ разговаривать съ двойникомъ, убилъ жену, которую только что собрался великодушно передать очень благородному инженеру. Это такъ далеко отъ какой либо общей идеи и даже къ «раздвоенію души» не имѣетъ прямого отношенія. Раздвоеніе души, рядъ разностороннихъ побужденій въ одно и

то же время знакомо намъ въ ровныхъ, некричащихъ состояніяхъ нашей психики.

Немногому могли научить г. Трахтенберга и его учебники, судя по пьесѣ. Насльдственное предрасположеніе — самый обихолный выводъ науки; бесѣду съ двойникомъ можетъ съ успѣхомъ воспроизвести любое творческое воображеніе, не прибѣгая къ психіатрическимъ книгамъ; то, что у Пытоса — а, значить, и у всѣхъ, ему подобныхъ — болитъ затылокъ, пожалуй, единственная подробность спеціальнаго характера.

Въ пьесѣ нѣтъ фона. Всѣ эти становые, армяне, учительни толкуются здѣсь безъ всякаго значенія и говорятъ только затѣмъ, чтобы занять четыре акта. Авторъ, вмѣстѣ съ Гюйо признающій приближительность нашего «я», очевидно, допускаетъ это только по отношенію къ Пытосу; остальные персонажи страдаютъ крайнею узкостью изображенія и словно вырублены топоромъ до благороднаго инженера, тронувшаго сердце жены Пытоса своимъ неустрашимымъ геройствомъ, включительно. Чѣмъ становой хуже Пытоса въ отношеніи приближительности нашего «я», если пьеса хотѣтъ выразить и оправдать именно эту идею? Становой — нормальный человѣкъ, и чѣмъ болѣе нормальный, будничный, тѣмъ раздвоеніе его души, какъ бы оно ни выразилось — было бы болѣе достойной и истинной задачей творческаго изображенія.

Пьеса г. Трахтенберга — «Записки сумасшедшаго». И то же впечатлѣніе производитъ она на сценѣ. Это не мѣшаетъ публикѣ рукоплескать ей и даже не мѣшаетъ пьесѣ быть талантливымъ произведеніемъ. Дѣло вкуса. Что касается исполненія «Потемокъ души» на коршевской сценѣ, то оно было весьма старательное. Пьеса шла въ прекрасномъ составѣ, г. Яковлевъ былъ, какъ мнѣ кажется, очень похожъ на сумасшедшаго. Но я мало видалъ сумасшедшихъ.

П. Ярцевъ.

НА ПОРОГѢ.

(Окончаніе *).

ПОВѢСТЬ.

XIX.

Переверзева со смѣхомъ относилась къ этому вѣчному спору.

— Вамъ, дѣти мои, никогда не согласиться, и напрасно вы спорите. Она — Переверзева указывала на Коростова — особа совсѣмъ иного жанра. Это — практикъ и берегъ отъ жизни все, что можетъ. Вотъ, на примѣръ, она теперь добила все, что только душенька ея хотѣла: и собственныя лошади, и брилліанты, и свой домъ, и дуракъ мужъ...

— Умнѣ твоихъ студентовъ, всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ, — спокойно отвѣчала на это Коростова.

Всѣ трое онѣ всегда громко смѣялись при этихъ словахъ. Коростова сейчасъ же опять переводила разговоръ на Муху, и опять начинался споръ.

— Но вѣдь это же дико! — горячилась она. — Вѣдь это же полный абсурдъ! Одно изъ двухъ: или ты насъ безбожно обманываешь, или же онъ обманываетъ тебя. Середины я здѣсь не вижу: по-моему, середины тутъ и не можетъ быть...

— Я тебя не обманываю, — отвѣчала на это Лиза, — а если онъ обманываетъ меня, то я на это нисколько не въ претензіи. Каждый живетъ, какъ можетъ и хочеть, и ты просто не въ состояніи понять насъ...

На этомъ обыкновенно и кончался ихъ споръ.

Но Коростова все-таки не примирялась и при встрѣчѣ съ Мухой всегда говорила ему:

— Варваръ! Злодѣй!..

Однажды Лиза навѣстила Переверзеву. Та только что кончила сезонъ и собиралась на все свободное время уѣхать на югъ.

Лиза сказала ей:

*) См. № 36.

— Милая! Я расхожусь съ Мухой. Я еще ничего не говорила ему объ этомъ, но планъ у меня уже составилъ. Я не могу такъ жить, какъ живу теперь, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ трудно и уходить отъ него, потому что я его люблю теперь еще больше, чѣмъ прежде. Да и онъ меня любитъ. Но представь себѣ теперь наше положеніе: мы сами его запутали... Казалось-бы, чего проще: мы оба свободны, любимъ другъ друга, чего-же еще? Но это было-бы слишкомъ пошло. Намъ одинъ выходъ—свадьба, официальная, настоящая свадьба. Только это и ни что другое. А развѣ могу я допустить, чтобы онъ принесъ для меня подобную жертву? Самое слово „женитьба“ приводитъ его положительно въ ужасъ. Да если-бы я и приняла отъ него подобную жертву—къ чему привела-бы она? Къ обоюдному несчастью. Вѣдь я знаю его. Онъ сталъ-бы мучиться, говорилъ-бы, что теперь его жизнь разбита, что его превратили въ обыкновеннаго мужа, что теперь онъ уже больше не свободенъ, что его жизнь сразу потеряла всякія краски, что теперь онъ...

Переверзева, для которой такое заявленіе Лизы было полной неожиданностью, только теперь начала понимать, въ чемъ дѣло. Лиза и Муха расходятся—но какъ-же это такъ вдругъ?

— Постой,—перебила она Лизу.—Дай сообразить. Я еще ничего не понимаю... Ну, и несчастье-же съ вами! Экіе вы какіе путанные люди! Да и давно-ли ты говорила, что лучшей жизни тебѣ и во снѣ не снилось?

Лиза пожала плечами.

— Я люблю его. Впрочемъ, — задумчиво прибавила она,—это оставимъ. Это все—лирика, надъ которой Муха приучилъ меня смѣяться. Но вотъ главное: черезъ недѣлю я кончаю курсъ, а служить въ Москвѣ, какъ онъ ни настаиваетъ на этомъ, я не хочу, потому что мнѣ надо обограться, а въ Москвѣ я буду только на выходахъ. Стало быть, у меня одинъ исходъ: ѣхать въ провинцію. А какъ я уѣду отъ него? Меня уже и теперь мучаетъ ревность. Когда онъ иногда пропадаетъ на цѣлыя сутки,—о, я все знаю, гдѣ, что и какъ,—я съ ума схожу. Если я никому никогда не говорила объ этомъ, то потому, что мнѣ не хотѣлось, чтобы меня жалѣли... Ну, а когда я уѣду? Нѣтъ, я положительно не могу уѣхать... А если ужъ уѣхать, то совсѣмъ. Правда, онъ говоритъ мнѣ, что ревность ему незнакома, но развѣ я могу, любя одного, принадлежать другому? Прежде надо порвать съ нимъ...

— Путанные, путанные!—продолжала настаивать на своемъ Переверзева.—А что касается провинціи, то...

Но тутъ въ комнату вошелъ Муха. Онъ имѣлъ встревоженный видъ. Увидя Лизу, онъ искренно обрадовался. Не здороваясь даже съ Переверзевой, онъ прямо обратился къ Лизѣ:

— Дорогая моя! Вѣдь я тебя ищу по всему городу... Эхъ, какъ ты меня испугала! Я думалъ, что я уже потерялъ тебя... Я былъ и у Пустовыхъ, и у Котова, словомъ, вездѣ искалъ... Мнѣ Полатинъ сказалъ, что ты просила его сходить въ агентство и подыскать тебѣ ангажементъ, а такъ какъ я случайно прочелъ твое письмо къ отцу, гдѣ ты пишешь, что хочешь совсѣмъ порвать съ Москвой, то я понялъ все...

Лиза сидѣла ни жива, ни мертва. Самыя разнообразныя чувства боролись въ ней. Ей было и пріятно видѣть тревогу, съ какой Муха отнесся къ ея рѣшенію, ей было и страшно услышать сейчасъ его твердый отказъ отъ женитьбы (а другого исхода она не видѣла изъ положенія), ей было и стыдно отъ сознанія, что придется такой щекотливый разговоръ вести при посторонней. Она вся дрожала и не могла поднять на него глазъ.

Муха сѣлъ рядомъ съ Лизой и взялъ ее за руку. Если-бы Лиза рѣшилась взглянуть на него, она увидѣла-бы такое выраженіе на его лицѣ, котораго не видала еще никогда: кроткое, даже полное любви и сердечнаго участія. Но она не поднимала глазъ.

— Лиза, давай поговоримъ раньше, чѣмъ на что-нибудь рѣшиться... Вспомни русскую старинную поговорку: семь разъ отмѣрь и одинъ разъ отрѣжь... Есть моменты въ жизни человѣка, когда...

— Когда всякое постороннее лицо излишне,—со смѣхомъ перебила его Переверзева.—Я это отлично понимаю, а потому и удаляюсь. Я буду въ № 52-мъ. Когда столкнетесь, пошлите за мной...

Переверзева ушла, но ни Муха, ни Лиза, казалось, не обратили на ея уходъ никакого вниманія. До того были они въ эту минуту заняты собой. И Муха продолжалъ:

— Лизокъ! Я понимаю тебя, но я начинаю понимать теперь и себя. И мнѣ кажется, что это послѣднее важнѣе всего для нашего счастья. Помнишь, я тебѣ рассказывалъ разные случаи изъ моего прошлаго, гдѣ, можетъ быть, далеко не всегда я игралъ красивую роль и почти всегда, съ точки зрѣнія нравственности, игралъ роль прямо-таки некрасивую. Я много увлекался, а между тѣмъ, ни разу еще не любилъ. И мнѣ пріятно, и больно сознать это. Больно, потому что теперь въ моемъ міросозерцаніи, до сихъ поръ простомъ и ясномъ, пробита большая брешь! О, какая брешь! И я не знаю еще, чѣмъ я заполню ее!..

Онъ поцѣловалъ Лизу, задумчиво провелъ по ея волосамъ, и молчалъ. Потомъ онъ весь словно встряхнулся отъ охватившей его задумчивости и продолжалъ такъ:

— Лизокъ! Это удивительно! Теперь, когда я поневолѣ долженъ провѣрить свои чувства, я начинаю удивляться: за что собственно я полюбилъ тебя? Развѣ ты лучше тѣхъ женщинъ, которыя любили меня на моемъ вѣку? Многія изъ нихъ были и красивѣе, и умнѣе, и очаровательнѣе тебя. Пожалуй, ты скажешь, что я люблю тебя за твою любовь ко мнѣ! Но нѣтъ! И тѣ женщины любили меня, и нѣкоторыя изъ нихъ любили, дѣйствительно, самоотверженно. И вотъ я начинаю думать, что любовь, какъ болѣзнь, приходитъ почти случайно, и что я люблю тебя за то, что ты была первой, которая сумѣла вызвать во мнѣ эту болѣзнь. И теперь мнѣ уже нѣтъ спасенья!

Онъ крѣпко обнялъ Лизу.

— Дѣлай со мной, что хочешь. Я готовъ даже жениться на тебѣ. Я уже чувствую въ себѣ способность нянчиться съ дѣтьми, пѣть имъ колыбельныя пѣсни, дѣлать изъ бумаги пѣтушковъ. Господа! И это говорю я, Муха, который... который... Ну, да что объ этомъ!—махнувъ рукой, закончилъ онъ.—Мало-ли что было! Все прошлое кончено, и начинается нѣчто новое. Мнѣ жизнь представила счетъ, я оплатилъ его раскаяньемъ, а теперь будемъ забирать на новую книжку. Такова, должно быть, судьба всѣхъ, кто пытался плыть по своему собственному теченію. И теперь я буду уже пѣть на общепринятый мотивъ: „плыви мой челнъ по волѣ волнъ...“

Лиза подняла на него глаза и, увидя его лицо, и грустное, и радостное вмѣстѣ, ласково улыбнулась и чуть слышно спросила:

— Значитъ, ты хочешь жениться на мнѣ?

— Именно...

— А не будешь потомъ раскаиваться и проклинать меня?

— Нѣтъ...

— А что-же станетъ съ нашимъ проектомъ полу-

любви, полу-дружбы и общей квартирой на особенныхъ основаніяхъ?

— Что угодно—мнѣ все равно. Я чувствую, что люблю тебя...

Черезъ двѣ недѣли Лиза и Муха обвѣнчались. На свадьбѣ было много выпито и еще больше было сказано рѣчей. Но наибольшій успѣхъ имѣла рѣчь Коростовой, которая заканчивалась слѣдующими словами:

— Итакъ, господа, есть только одна любовь: любовь настоящая. А всѣ эти фокусы оставьте тѣмъ, кому уже незачѣмъ думать о любви... Я пью за любовь, за такую любовь, какой насъ учили въ балетной школѣ, а прочаго ничего я и знать не хочу. Вотъ какъ!..

Уже почти къ утру, когда гости расходились, Муха спросилъ Котова:

— Голубчикъ, какъ вы думаете: гоюсь я въ мужья?

— Не знаю,—смѣясь, отвѣтилъ Котовъ,—увидите скоро сами...

— Ахъ, милый! Въ томъ-то и бѣда, что я и самъ ничего на этотъ счетъ не знаю... Хотя и думаю, что не гоюсь... А, впрочемъ, увидимъ...

Онъ махнулъ рукой и, задумчиво улыбнувшись, прибавилъ:

— Жена, дѣти, пеленки, визиты, коклюшъ—ну, ну!.. Забавно, впрочемъ!..

Арсеній Г.

Конецъ.

Харьковскія письма.

V.

По давно уже введенному обыкновению, наши «зимніе» театры открываютъ свои двери съ половины сентября. На благодатномъ югѣ театральнй сезонъ начинается вообще поздно, и Харьковъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Половина сентября обыкновенно проходитъ при весьма слабомъ интересѣ публики къ театрамъ и только съ октября начинаются здѣсь сборы, идущіе crescendo до середины декабря. И въ настоящемъ сезонѣ у насъ будетъ драма въ городскомъ театрѣ и опера—въ театрѣ Коммерческаго клуба. Относительно нашей оперы былъ моментъ, когда существованіе ея оставалось подъ большимъ сомнѣніемъ. Дѣло въ томъ, что кн. А. А. Церетелли, являвшійся долгое время импресарио оперной труппы, кочевавшей между Харьковомъ, Києвомъ и Одессой, а въ послѣднее время и столицами, закончилъ прошлый сезонъ съ весьма печальными «подробностями», которыя, какъ говорили, исключаютъ возможность появленія его на избранномъ поприщѣ... Но случилось иначе—и я не вижу особыхъ причинъ радоваться этому. Новое предпріятіе, во главѣ котораго станетъ теперь кн. Церетелли, состоитъ изъ особыхъ элементовъ. Впервые появятся термины: «администрація оперы» и «директоръ-распорядитель». Въ этомъ есть что-то акціонерное... Я не думаю, что буду нескроменъ, если нарушу «коммерческую тайну» предпріятія, о которомъ идетъ рѣчь. Дѣло большое, народу привлекается много, интересовъ затрагивается масса, а потому лучше, если всѣ заблаговременно узнаютъ, на что они идутъ и что ихъ ждетъ. Оговариваюсь, что я не имѣю въ виду что-либо под-

рывать или дискредитировать, омрачая ясное будущее зловѣщими воспоминаніями прошлаго. Большое имущество кн. Церетелли, въ которомъ особую цѣнность представляетъ бібліотека, составляетъ теперь достойные лица, очень дорого заплатившаго за роль опернаго мецената. Лицо это не можетъ вести оперное дѣло лично; но имущество его должно «работать», тѣмъ болѣе, что на немъ есть долгъ въ 8 т. р. клубу, выдавшему когда-то кн. Церетелли ссуду въ 10 т. р., подъ это же имущество. И вотъ, этотъ «инвентарь» и нѣкоторые средства кое кого изъ артистовъ и частныхъ лицъ, при годовомъ контрактѣ на клубный театръ, являются ресурсами на веденіе харьковской оперы.

Объявленный нынѣ составъ оперы—пестрый и многочисленный: на каждое амплуа значится по четыре и болѣе артиста, а имена почти все неизвѣстныя или малоизвѣстныя. Женскій персоналъ состоитъ изъ *четынадцати* примадоннъ,—однихъ меццо-сопрано и контральто семьи Мужской, конечно, еще болѣе,—*девятнадцати* пѣвцовъ. Шесть теноровъ, пять баритоновъ, пять басовъ!.. Вообще въ формированіи труппы видно желаніе ушибить слушателя количествомъ. Вдругъ *три* капельмейстера! Для чего это?.. Есть еще и «завѣдывающій художественной частью»,—имъ будетъ г. Шкаферъ, человѣкъ, кажется, опытный въ этомъ дѣлѣ, благодаря своему пребыванію въ Московской частной оперѣ... Но еще грандіознѣе представляется списокъ гастролей. Кого только нѣтъ! И Мравина съ Фостремъ, и Даркле съ Кавальери и Батистини съ Корсовымъ, и Шаляпинъ съ Собиновымъ, и Михайловъ съ Севастьяновымъ (гм, равнато что-то думаетъ гастролировать!), а репертуарное меню объявлено такое, что въ глазахъ рябитъ... Я вообще противъ театральнаго общаго, подносимыхъ съ трескомъ и барабаннымъ боемъ. Ихъ обыкновенно не сдерживаютъ, такъ-же просто и легко какъ ихъ даютъ. Навино думать, что намъ дадутъ въ провинціи, при указанныхъ выше средствахъ, «Оборотень» Вагнера, «Потемкинскій праздникъ» Ивановъ, «Тамару» Балачивидзе, «Тоску» Пуччини, «Камору» Эспозито, «Хованщину» Мусоргскаго, «Чародѣйку» Чайковскаго, а затѣмъ общаются еще «Купца Калашникова» Рубинштейна (для провинціи запрещенъ), «Лакме» Делиба.

Князь Церетелли готовъ, повидимому, повторить одну изъ своихъ безчисленныхъ ошибокъ,—онъ стремится ослѣпить, поразить, нашумѣть, дать два-три эпизода въ теченіе сезона, занятыхъ и интересныхъ, думая, что *это* спасетъ весь сезонъ... Что-же будетъ внѣ этого? Театръ будетъ пустовать, потому что въ сотый разъ слушать «Аиду» или «Демона» въ объявленномъ составѣ исполнителей врядъ-ли найдется достаточно публики. Въмѣсто всего этого вздора, «администрація оперы» надо было бы заняться организаціей хорошаго, полного опернаго ансамбля, для чего сформировать оркестръ и хоры по возможности лучшаго качества и болѣе количествомъ, дать ровный и доброкачественный квартетъ, а главное—слаженное, стройное, съ оттѣнками исполненіе. Если ко всему этому еще понизить цѣны на мѣста въ театрѣ, въ расчетѣ, чтобъ полный сборъ былъ не выше 1200 р.,—дѣло могло бы пойти успѣшно,—а такъ, кто знаетъ, что сезонъ грядущій готовитъ нашей оперѣ!..

Перехожу къ драмѣ. Здѣсь дѣло налажено и стоитъ болѣе или менѣе твердо. Труппа вообще сильно обновлена. Мужской персоналъ, который былъ слабъ сравнительно въ прошломъ сезонѣ, въ этомъ не будетъ сильнѣе, такъ какъ нѣтъ г. Петровскаго, актера очень талантливаго и интеллигентнаго; но за то женскій персоналъ во многомъ превзойдетъ прошлагодній, хотя и не будетъ г-жи Днѣпровой, артистки талантливой и очень популярной. Я не знаю, насколько успѣшно замѣнятъ ее г-жи Азогарова и Иртеньева, но о выбытіи этой выдающейся артистки публика будетъ сожалѣть. Г-жа Днѣпрова осталась безъ постоянного ангажемента, она будетъ гастролировать. Артистка эта, ведя переговоры съ г-жей Дюковой, настаивала на томъ, чтобъ ее два раза въ теченіе сезона отпустили на двѣ недѣли гастролировать и, кажется, даже съ удержаніемъ жалованья. Г-жа Днѣпрова, повидимому, твердо была увѣрена, что г-жа Дюкова должна будетъ принять подобныя условія и потому заключила контракты о гастроляхъ раньше; но г-жа Дюкова справедливо разсудила, что участіе въ труппѣ такой *неослѣдлой* артистки можетъ только тормозить дѣло и служить дурнымъ прецедентомъ: другія не менѣе интересныя силы труппы, тоже стануть задѣты по Курскамъ и Бахмутамъ на гастролі... Вотъ почему разстроилась шестилѣтняя дружба антрепризы съ этой артисткой.

Опытъ многихъ лѣтъ показалъ, что въ такомъ городѣ, какъ Харьковъ, составъ драматической труппы не нуждается въ частыхъ перемѣнахъ,—во 1-хъ, исчезаетъ сыгранность, а во 2-хъ, почти всегда новое является слабѣе стараго. За восемь лѣтъ Дюковской антрепризы я знаю лишь одинъ случай замѣны прежняго персонажа другимъ къ выгодѣ публики,—это былъ ангажементъ г. Петровскаго. Если-бы г-жа Дюкова сумѣла удержать бывшую у нея лѣтъ пять тому назадъ труппу, во главѣ которой стояли: г-жи Строева-Сокольская, Днѣпрова, Веливарій, Петина и Карпенко, гг. Шуваловъ,

Самойловъ, Петипа и Наумовскій, при отличныхъ вторыхъ персонажахъ, — развѣ у нея не была бы совершенно достаточная труппа? Главнымъ режиссеромъ будетъ снова Н. С. Песокъ, человекъ скромный и серьезный; съ именемъ его связаны лучшія времена Дюковской антрепризы; онъ всегда дѣлалъ свое дѣло тихо, безъ рекламы и хвастовства... Надѣмся, что и этотъ сезонъ будетъ однимъ изъ прежнихъ.

И. Тауридовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

САРАТОВЪ. Лѣто не отличалось обиліемъ серьезныхъ развлеченій. Обыкновенно наѣзжали гастролирующія или «турирующія» труппы и гостили подолгу; нынче въ этомъ отношеніи было бѣдно. Пріѣзжалъ г. Ге съ своей слабенькой труппой, познакомилъ насъ съ приподнятымъ характеромъ собственной игры, далъ только три спектакля и поѣхалъ дальше. Была три дня труппа г. Сабурова, засвидѣтельствовавшая Саратову, что кафешантанное искусство бываетъ еще безъ пѣнія, и тогда оно называется «фарсомъ», и поѣхала дальше поучать тому же другіе города. Вотъ всѣ нынѣшнія гастролі. Естественно, что публика наскучалась по драмѣ и нетерпѣливо ждала открытія зимняго сезона, съ его новой дирекціей и съ новой труппой. Сезонъ открылся 30-го августа «Ревизоромъ». Новая дирекція постаралась обставить великую комедію возможно лучше и дѣйствительно достигла большого успѣха. Обстановочная часть согласована съ требованіями времени; удачно внесены нѣкоторыя оригинальныя черты. Болѣе или менѣе видныя вторяя роли исполнялись первыми силами, и, конечно, это замѣтно послужило къ полнотѣ ансамбля. Публика вышла изъ театра удовлетворенной. Какъ говорится, «выходъ» въ этотъ вечеръ дѣлали гг. Яновъ (въ Хлестаковѣ) и Строителевъ (городничій). Оба артиста имѣли значительный успѣхъ. Если въ игрѣ Строителя, достаточно яркой и типичной, были грѣхи противъ чувства мѣры, то г. Янову едва-ли можно было сдѣлать какое-нибудь важное замѣчаніе. Весьма недурно игралъ г. Лининъ Хлопова, хорошо г. Соболевщиковъ Ляпкина-Тяпкина и превосходно г. Горевъ Ростаковскаго. Вообще «Ревизоръ» прошелъ съ рѣдкими у насъ успѣхомъ. Для «выхода» гг. Тугариновой, Славатинской, Соболевщикова и Аркадьева были поставлены «Старый закалъ». Этотъ второй спектакль оказался менѣе счастливымъ. Въ обѣихъ женскихъ роляхъ (Вѣра и Людмила Борисовны) саратовская публика видѣла прекрасныхъ исполнительницъ — г-жъ Свободину и Голубеву; ихъ трудно замѣнить. Г-жа Тугаринова немножко недоигрывала, г-жа Славатинская немножко переигрывала. Повидимому, для дебюта взяты именно не тѣ роли, какія надлежалъ. Г-жа Тугаринова казалась нѣсколько вялой; драматическій подъемъ почти отсутствовалъ. Г-жа Славатинская, напротивъ, казалась ажитированной; она слишкомъ старалась, слишкомъ суежилась и шумѣла. Понятно, много значило волненіе передъ новой публикой, а потому весьма возможно, что тѣ же роли при повтореніи пьесы получать

болѣе вѣрное освѣщеніе. Вполнѣ серьезнымъ артистомъ показалъ себя г. Соболевщиковъ въ Олтинѣ. Вѣрный тонъ, чувствительная мимика — все говорило за то, что въ этомъ артистѣ Саратовъ будетъ имѣть надежную и интересную силу. Смутное впечатлѣніе произвелъ г. Аркадѣвъ, хотя совсѣмъ нельзя сказать, что онъ не понравился. Нѣтъ, — г. Аркадѣвъ просто неясенъ; мы не знаемъ, чего бы можно ожидать отъ него дальше, поэтому — подождемъ. Третьимъ спектаклемъ шла «Родина», въ которой представлялись публикѣ г-жа Рахманова и Горевъ. Первые два акта мало удалась артисткѣ; Магда г-жи Рахмановой была красивой по внѣшности, — и только. Кажется, что дебютное волненіе было слишкомъ значительно. Говоримъ такъ потому, что въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ г-жа Рахманова обнаружила достаточный темпераментъ и вообще играла съ успѣхомъ. Артистку принимали радушно, аплодировали дружно. Г. Горевъ, можно сказать, сразу сдѣлался первымъ лицомъ, желаннымъ артистомъ. Какъ пойдетъ дальше — неизвѣстно. Эти три спектакля — только начало дѣятельности новой труппы. Определеннаго пока сказать ничего нельзя; во всякомъ случаѣ въ труппѣ имѣется нѣсколько хорошихъ артистовъ. Черезъ недѣлю составъ болѣе выяснится, и тогда поговоримъ подробнѣе.

Постоянный.

СЫЗРАНЬ. Съ участіемъ М. М. Петипа шли: «Губернёръ», «Любовь и предразсудокъ», «На законномъ основаніи», «Казнь», «Трильби», «Тартюфъ», «Свадьба Фигаро» и «Донъ-Жуанъ» (Мольера). Роль Венгали — худшая роль въ репертуарѣ г. Петипа, и я-бы ему посоветовалъ совсѣмъ ее исключить. Послѣ М. М. Петипа были приглашены трагики бр. Адельгеймъ, которые съ успѣхомъ выступили въ «Урелиѣ Акостъ» (2 августа), «Кручинѣ» (3 августа), «Разбойникахъ» (6 августа) и «Смерти Іоанна Грознаго» (7 августа).

7 августа г-жа Аничкова-Иванова уѣхала съ своей труппой и бр. Адельгеймами въ Симбирскъ.

19 августа фарсомъ «Кокоша и Тотоша» здѣсь опять начались спектакли, но ужъ не подъ управленіемъ Аничковой-Ивановой, а подъ фирмой «товарищества».

Сборы при антрепризѣ Аничковой-Ивановой были хороши. Изъ артистовъ большимъ успѣхомъ пользовались: Борисова, Щеглова, отчасти Золотарева и Дагмаровъ. Печоринъ-Цандеръ любилъ «кренделить».

Проѣздомъ черезъ Сызрань участвовалъ въ одномъ (22 августа) спектаклѣ Ѳ. П. Горевъ. Поставленъ былъ «Старый баринъ» съ Горевымъ въ роли Оленьева. Успѣхъ г. Горевъ имѣлъ громадный.

Нето.

КАЛУГА. Арендующій бесплатно городской театръ г. Тиллинъ-Кручининъ съ своей стороны сдѣлалъ его на выгодныхъ условіяхъ г. Боуру. Послѣдній за театръ обязался уплатить г. Тиллингу 2000 р. и 2500 р. за освѣщеніе, отопленіе и прочіе расходы. Если г. Боуръ останется и на постъ, то долженъ платить поспектакльно особо. Въ труппу г. Боуромъ приглашены и уже пріѣхали: извѣстная артистка Ю. И. Журавлева, г-жа Кадыкина, гг. Діевскій (любовникъ), Давыдовъ, самъ г. Боуръ и нѣсколько персонажей. Спектакли начнутся 26 сентября, кажется, «Василисой Мелентьевой».

Де-Ка.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

О В ъ Я В Л Е Н І Я

КАССИРА

съ залогомъ до 1000 рублей ищу мѣста. Имѣю рекомендац. Письма адрес. Гагаринская ул., д. 6, кв. 96. Владим. Александр. Новодранову.

№ 4401

1—1.

Н. Г. Шумовъ

Драмат. любовникъ свободенъ на зимній сезонъ. С.-Петербургъ, Торговая, 27.

№ 4399 1—1.

Въ сентябрѣ выйдетъ «Театральный табель-календаръ и записная книжка на 1901/2 г.». Принимаются объявленія въ Москвѣ, типографія М. Борисенко и А. Бреслина, В. Дмитровъ, д. Дворян. Собр., 5 руб. стран. 1/32 л., до 15 сент. Деньги уплачиваются по полученіи экзем. изд. (наложен. платежъ).

1—1.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Преподаю уроки театральнаго искусства и выразительнаго чтенія. Пески, уг. 9-й ул. и Дегтярнаго пер., д. 22—35, кв. 37.

Д. Александровъ.

№ 4405

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Театръ Ковенскаго Городскаго Комитета народной трезвости сдается въ наемъ на сезонъ 1901 — 1902 годъ, объ условіяхъ можно узнать въ Комитетѣ или у Завѣдывающаго театромъ Ковенскаго Губернскаго Инженера Н. М. Андреева.

№ 4403.

2—2.

Бывшій Управляющій театрами В. А. Неметти въ С.-Петербургѣ Михаилъ Петровичъ ТАМАШЕВЪ, 18 лѣтъ служившій въ дирекціи В. А. Неметти, желаетъ получить мѣстоуправляющимъ театромъ или администраторомъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Офицерская, д. 37 кв. 36.

НОВАЯ КНИГА

„КАДЕТСКІЕ ГОДЫ СЕРГѢЕВА“

соч. Николая Михайлова, ц. 2 р.

продается въ магазинахъ Вольфъ и др. Выписыв. отъ издателя Поплавскаго (Петербургская стор., Шамшева ул., д. 10, кв. 13)

за пересылку не платятъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

Утвержденные
Министерствомъ
Внутреннихъ
Дѣлъ.

КУРСЫ РАПГОФЪ

Основанные
въ
1882 г.

Спб., Малая Морская, № 7.

Пріемъ съ 20-го августа: въ будни—отъ 4—7 ч. веч., по праздничн. и воскреснымъ днямъ, отъ 12 до 2 ч. дня. Молебствъ 2-го сентября въ 1 ч. дня. Начало занятій 3-го сентября. Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно. Письменныя заявленія просить адресовать на имя директора курсовъ Евг. Павл. РАПГОФЪ.

№ 4394. 1—1.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Поставщицы Императорскихъ

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОЛОВОДСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царкосельскаго просп., д. № 40 - 4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

НОВЫЙ лѣтній театръ и садъ „БУФФЪ“

Фонтанка, № 116. Дирекція П. В. Гуманова. Телефонъ № 1967.

Русская комическая опера, оперетта, феерія, балетъ и дивертиссементъ.

Ежедневно

ОПЕРЕТОЧНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Блестящій дивертиссементъ, съ уч. М-лles Ниска, Кара, Діанеттъ, Эрпо, Бера, Флоранн, Г. В. Молдавцова, замѣч. квинт. серб. цыганокъ Марико, эксцентр. танцоровъ, квартета Лэгэ, Неаполитанской труппы Фавіа-Палладино.

САДЪ „АЛЬГАМБРА“

Глаздовая 23.

Дирекція П. И. Васильева.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Ежедневно артистическій дивертиссементъ по новой программѣ. Интернац. дуэтистки-танц. сестры Сальпини. Извѣстный куплетистъ А. М. Войцеховскій. Эффектная электрическая иллюминація 2000 лампочекъ. Два хора. Два оркестра. Балетъ и проч. Начало гулянья и музыки въ 5 часовъ, въ театрѣ въ 7 1/2 часовъ. За входъ 25 коп. (съ благ. сбор.). Взятые билеты въ театрѣ за входъ въ садъ не платятъ.

Каждые 15 дней дебюты новыхъ артистовъ.

Дирекція П. И. Васильева.

Главн. режисс. И. Е. Шуваловъ.

Настоящее средство, „Элеопатъ провизора Кинунена“ раздѣляется к. торговлѣ на общіе основаніяхъ Спб. Стол. Врачеб. Управленіемъ какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ для здоровья веществъ, безъ всякаго, однако, ручательства въ полезномъ его дѣйствіи. Спб. Сентября 7 дня 1901 г. Врачебный Инспекторъ Сибачивскій.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопатъ провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ 23 года и ЕЖЕГОДНО расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Раздѣзная ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинуненъ“.

№ 3322.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

М. Г. ЮЭЛЬСОНЪ.

Принимаетъ ежедневно кромѣ воскресныхъ дней отъ 11 до 5 ч. дня.

Лечение. Пломбированіе.

Удаленіе и вставленіе

искусственныхъ зубовъ.

Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.

ПОЛТАВСКІЙ

городской театр свободенъ съ Декабря с. г. по Великій постъ 1902 г. Полный сборъ по обыкновеннымъ цѣнамъ—1200 р. За подробными свѣдѣніями просить обращаться въ контору полт. гор. театра.

№ 4395 4—2.

Вниманію

Гг. антрепренеровъ.

Вышли новыя пьесы соч. П. М. Розенгейма.

1) „Быль на Волгѣ“ или „Акимъ Скворецъ“. Драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ. 2) „Трагедія на кухнѣ“. Комедія въ 1 дѣйствіи. 3) „Уголовное преступленіе“. Комедія въ 1 дѣйствіи. Разрѣшены къ представленію безусловно. Получить можно: въ Театральныхъ библіотекахъ Волкова - Семенова въ С.-Петербургѣ и С. И. Разсохина въ Москвѣ. 3—3

Въ московской театральной библіотекѣ С. И. Разсохина поступили въ продажу новыя пьесы А. А. Плещеева:

„Въ своей роли“, въ 4 дѣйствіяхъ. II. 2 р. „Пріемный часъ“, въ 1 дѣйствіи. II. 1 р. Обѣ пьесы будутъ поставлены на сценѣ театра Литер. Худож. Общества въ С.-Петербургѣ.

№ 4404

2—1

ПЕРВАЯ ВЪ РОССИИ

КОНТОРА

МУЗЫКАЛЬНАГО ТРУДА

А. Г. Григорьева.

Невскій проспектъ, № 112
(противъ Пушкинской).

ПРЕДЛАГАЕТЪ

оркестры: симфоническій, оперный, антрантный, бальный и т. д., преподавателей музыки и пѣнія, солистовъ, капельмейстеровъ и руководителей хорами, а также намерную музыку въ частные дома.

Стройные оркестры отъ 12 до 50 человекъ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 ч. дня, кромѣ праздниковъ.

Заказы исполняются въ 24 часа.